

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре.

Книга 2. Июль-сентябрь

Автор:

[Харуки Мураками](#)

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Книга 2. Июль-сентябрь

Харуки Мураками

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре #2

Впервые на русском – наиболее ожидаемая новинка года, последний роман самого знаменитого автора современной японской прозы, главная литературная сенсация нового века, «магнум-опус прославленного мастера» и «обязательное чтение для любого, кто хочет разобраться в японской культуре наших дней», по выражению критиков. Действие книги происходит не столько в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, сколько в тысяча невестьсот восемьдесят четвертом, в мире, где некоторые видят на небе две луны, где ключом к вечной любви служит Симфониетта Яначека, где полицейских после всколыхнувшей всю страну перестрелки с сектантами перевооружили автоматическими пистолетами взамен револьверов, где LittlePeople – Маленький Народец – выходят изо рта мертвой козы и плетут Воздушный Кокон.

Харуки Мураками

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Книга 2. Июль – сентябрь

Haruki Murakami

Copyright © 2009 by Haruki Murakami

© 2009 by Haruki Murakami

© Коваленин Д., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

АОМАМЭ

Самый скучный город на свете

Сезон дождей еще не закончился, но небо уже голубело, и солнце щедро припекало землю. Тени от пышных ив мерно колыхались на тротуаре.

Тамару встретил Аомамэ у ворот. В темном летнем костюме и рубашке с галстуком. Без единой капельки пота на лице. Как такие верзилы умудряются не потеть в столь дикую жару, всегда оставалось для Аомамэ загадкой.

Завидев ее, Тамару коротко кивнул и буркнул что-то неразборчивое. Легкой беседы, какая обычно между ними завязывалась, на этот раз не последовало. Тамару прошагал по длинному коридору, не оглядываясь, – до самой двери в гостиную, где их ожидала хозяйка. Похоже, сегодня ему не хотелось общаться вообще ни с кем. Наверное, из-за смерти овчарки, подумала Аомамэ. Хоть он и сказал ей по телефону, что собаке замену найти несложно, свои подлинные чувства он просто скрывает. С этой псиной он прожил несколько лет душа в душу. И ее внезапную, необъяснимую гибель наверняка воспринял как трагедию, а то и как личный вызов.

Отворив дверь, Тамару пропустил гостью вперед, а сам застыл в проходе, ожидая указаний хозяйки.

– Напитков пока не нужно, – сказала та.

Мужчина кивнул и, закрыв за собою дверь, оставил женщин наедине. На столике сбоку от кресла хозяйки громоздился круглый аквариум с двумя рыбками. Самыми обычными, золотыми и банальной морской травой. Ничего удивительного, вот только... В этой просторной гостиной Аомамэ появлялась уже много раз, но рыбок видела здесь впервые. Тихонько работал кондиционер: по коже то и дело гулял едва ощутимый ветерок. За спиной хозяйки стояла ваза с тремя белоснежными лилиями. Большие, призывно распахнутые цветы напоминали диковинных существ из другого мира, замерших в медитации[1 - Лилия (ю?ри) в Японии обычно символизирует любую близость. (Здесь и далее прим. переводчика.)].

Слабым взмахом руки хозяйка пригласила девушку сесть. Аомамэ подошла и опустилась на диван напротив. Кружевная занавеска на окне, выходившем в сад, почти не спасала от летнего солнца. В его ярких лучах хозяйка выглядела неожиданно усталой и разбитой. Безвольно подпирая щеку узенькой ладонью, старушка утопала в огромном кресле. Глаза ее ввалились, морщин на шее стало чуть ли не вдвое больше. Уголки бледных губ и кончики длинных бровей, словно устав бороться с земным притяжением, сползли вниз до предела. Возможно, от замедленного тока крови кожа на ее лице и руках словно покрылась белой пылью. Казалось, будто с прошлого визита Аомамэ хозяйка состарилась лет на пять или шесть. И теперь у нее больше не было сил скрывать свою усталость от кого бы то ни было. Что и поражало сильнее всего. Обычно – по крайней мере, перед Аомамэ – старушка включала всю силу воли, чтобы выглядеть бодрой и подтянутой. И стоит отметить, до сих пор это ей удавалось практически на все сто.

Но теперь в этом доме многое изменилось, заметила Аомамэ. Даже свет в гостиной окрасился в другие тона. Не говоря уже о том, что рыбки в аквариуме крайне плохо сочетались с высокими потолками и антикварной мебелью.

Довольно долго хозяйка не говорила ни слова. Просто сидела, подперев щеку ладонью, и смотрела в одну точку. Хотя даже по ее лицу было ясно, что в этой точке ничего нет.

– Пить не хочешь? – наконец спросила старушка.

– Нет, спасибо, – ответила Аомамэ.

– Там чай со льдом. Захочешь – наливай...

На раскладном столике у двери стояли кувшин с чаем и три стакана резного стекла, каждый – своего цвета.

– Благодарю, – кивнула Аомамэ. Но осталась сидеть, ожидая продолжения.

Однако хозяйка опять замолчала. Возможно, просто оттягивала момент, когда истина, высказанная вслух, окончательно превратится в реальность. Старушка перевела взгляд на рыбок в аквариуме. И, наконец решившись, посмотрела на Аомамэ в упор.

– О смерти собаки, охранявшей приют, Тамару тебе уже рассказал?

– Да, я слышала.

– Дикая, непостижимая смерть... – Хозяйка поджала губы. – А теперь еще и малышка Цубаса пропала.

У Аомамэ вытянулось лицо:

– Как пропала?!

– Исчезла куда-то. Кажется, прямо среди ночи. Утром ее никто уже не видел.

Кусая губы, Аомамэ пыталась что-нибудь сказать. Но подходящих слов на ум не приходило.

– Но... Ведь вы говорили, что девочку не оставляют одну! – воскликнула она. – И что в ее комнате всегда ночует еще кто-нибудь для надежности.

– Да, но странное дело: этой ночью женщина, которая с ней оставалась, уснула так крепко, что вообще ничего не слышала. Утром проснулась, а постель Цубасы пуста.

– Значит, ребенок пропал на следующую ночь после гибели пса? – уточнила Аомамэ.

Хозяйка кивнула:

– Пока не знаю, есть ли здесь какая-то связь... Но так и чудится, в этом есть что-то общее.

Блуждающий взгляд Аомамэ задержался на золотых рыбках. Хозяйка перехватила его и посмотрела туда же. Две рыбки, едва заметно шевеля плавниками, не спеша перемещались туда-сюда по стеклянному водоему. Лучи летнего солнца так чудно преломлялись в воде, что невольно казалось, будто подглядываешь за жизнью на дне океана.

– Этих золотых рыбок я купила для Цубасы, – объяснила хозяйка. – Здесь, в Адзабу, проходил праздник улицы, я вывела девочку погулять. Все-таки долго сидеть в четырех стенах вредно для здоровья. Тамару, конечно, всю дорогу был с нами. Вот там в одном магазинчике и купила рыбок, а заодно и аквариум. Уж очень они ей понравились. Когда поставила у нее в комнате, она целый день на них глядела, не отрываясь. А сегодня, когда малышка пропала, я забрала аквариум сюда. Тоже весь день гляжу и не могу отвести глаз. Ничего больше не делаю – просто сижу и смотрю. Как ни странно, это занятие никогда не надоедает. До сих пор не пробовала так долго и пристально разглядывать аквариумных рыб.

– Но куда же девочка могла уйти? – спросила Аомамэ. – У вас есть догадки?

– Ни малейших, – ответила хозяйка. – В ее жизни нет родных, у которых можно укрыться. Насколько я знаю, идти в этом мире ей совершенно некуда.

– А может, кто-то увел ее насильно? Об этом вы не думаете?

Хозяйка качнула головой – нервно и коротко, словно отгоняя назойливого комара.

– Нет, это исключено. Увести ее насильно никто не мог. Случись такое, проснулся бы весь приют. Кто-кто, а эти женщины спят всегда очень чутко. Я думаю,

Цубаса ушла по собственной воле. На цыпочках, чтобы никто не услышал, спустилась по лестнице, тихонько отперла дверь и ушла. Как раз это я могу представить легко. Пройди она к воротам мимо сторожевого пса, тот и тявкнуть бы не посмел. Хотя собака умерла прошлой ночью. А девочка даже не переоделась. Хотя одежда была для нее приготовлена и сложена прямо у постели, она так и ушла в пижаме. И денег с собой не взяла...

Аомамэ еще больше нахмурилась:

– Одна? В пижаме?

– Именно, – кивнула хозяйка. – Куда может отправиться ночью десятилетний ребенок – один, в пижаме, без денег? Да это просто невозможно! Но я не считаю, будто произошла какая-то аномалия. Наоборот, нечто подобное должно было случиться рано или поздно. Вот почему я даже не пытаюсь разыскивать бедное дитя. А только сижу и разглядываю рыбок. – Хозяйка бросила взгляд на аквариум, затем снова обратила его к Аомамэ: – Просто я уже понимаю: искать ее бесполезно. Она теперь там, докуда нам не дотянуться...

Сказав так, старушка отняла руку от подбородка и выдохнула – так протяжно, словно сбрасывала все напряжение, что накопилось в душе. И бессильно уронила руку на колено.

– Но зачем ей было уходить? – удивилась Аомамэ. – Все-таки в приюте она под защитой, да и податься больше некуда...

– Зачем – не знаю. Но уверена, что гибель собаки сыграла роковую роль. Оказавшись здесь, малышка сразу полюбила этого пса, и тот сильно к девочке привязался. Они дружили неразлейвода. От его страшной, необъяснимой гибели девочку словно подменили. Да что там – все взрослые обитательницы приюта до сих пор в шоке! Но все-таки очень похоже, что убийство собаки – сигнал именно для малышки Цубасы.

– Сигнал? – подняла брови Аомамэ. – Какой же?

– «Ты не должна здесь находиться. Мы знаем, где ты. Уходи отсюда. Иначе с теми, кто тебя окружает, случится что-нибудь еще страшнее».

Пальцы хозяйки мерно постукивали по колену, словно отсчитывая секунды. Не говоря ни слова, Аомамэ ждала продолжения.

– Скорее всего, девочка поняла, о чем ее предупреждают, и решила уйти сама. Против собственного желания. Прекрасно понимая, что идти больше некуда. Но не уйти нельзя. Как представляю, что? у бедняжки в голове творилось, просто с ума схожу... Чтобы десятилетний ребенок сам принял такое решение?..

Аомамэ захотелось протянуть руки и сжать хозяйкины пальцы в своих. Но она сдержалась: разговор еще не закончен.

– Что говорить, – продолжала хозяйка, – для меня это страшный удар. Будто отрубили часть тела. Я ведь уже готовила документы на удочерение. Собиралась официально воспитать ее как родного ребенка. Понимала, что это непросто. Что, если малышка так и не сможет прийти в себя, жаловаться будет некому. Но именно поэтому еще сильнее хотела попробовать. Хотя, если честно, здоровье в мои годы уже не то...

– Но вдруг она скоро вернется? – предположила Аомамэ. – Денег у нее нет, идти некуда...

– Хотелось бы верить, – бесстрастно проговорила хозяйка. – Но скорее всего, этому не бывать. Кто в десять лет решил уйти куда глаза глядят, как правило, не возвращается.

Извинившись, Аомамэ встала, подошла к столику, взяла бирюзовый стакан из резного стекла, налила себе холодного чая. Пить совсем не хотелось. Просто нужен небольшой тайм-аут. Вернувшись и сев на диван, она отхлебнула чаю и поставила стакан на стол.

– На этом разговор о Цубасе закончим, – объявила хозяйка. И, словно подводя черту под темой беседы, распрямила спину и сцепила руки на коленях. – Поговорим об «Авангарде» и его Лидере. Я расскажу тебе все, что узнала. Это главное, ради чего ты сегодня здесь. В итоге ты сама поймешь, как и что здесь связано с малышкой Цубасой.

Аомамэ кивнула. Именно это она и ожидала услышать.

– Как я уже говорила, Лидера необходимо переправить в мир иной во что бы то ни стало. Это человеческое отродье постоянно насилует десятилетних девочек. Для него это ритуал. Девочки еще и понятия не имеют о менструациях. Для оправдания своих мерзостей он использует изобретенные им же самим религию и оккультную секту. О секте я постаралась узнать как можно подробнее. Поручила расследование нужным людям, оплатила их работу. Должна заметить, на это потребовалось куда больше усилий, чем я себе представляла. И гораздо больше денег. Но в итоге я смогла-таки вычислить всех четырех девочек, которых изуродовал этот мерзавец. Четвертой была малышка Цубаса.

Аомамэ взяла стакан, сделала еще глоток. Но вкуса чая не поняла. Ее рот словно набили ватой, которая не давала языку разобрать, что есть что.

– Детали пока неизвестны, – продолжала хозяйка, – но по меньшей мере две девочки из четырех по-прежнему живут в секте. Говорят, они – особы, приближенные к Лидеру, вроде жриц. Обычным членам секты увидеть их не дано. По своей воле они играют эти роли или просто не могут сбежать – пока неясно. Как и то, продолжает ли спать с ними Лидер. Но как бы там ни было, обе живут с этим чудовищем под одной крышей. Жилище Лидера изолировано от посторонних, ни один простой член секты не может к нему даже приблизиться. Что там творится – сплошная тайна не только для внешнего мира, но и для большинства сектантов.

Резной стакан совсем запотел. Хозяйка выдержала паузу и, глубоко вздохнув, продолжала:

– Впрочем, один факт известен наверняка. Самой первой из четырех жертв Лидера стала его собственная дочь.

Аомамэ перекорежило. Мышцы лица разъехались в стороны. Она пыталась что-то сказать, но слова застревали в горле, и голос не слушался.

– Да, – подтвердила хозяйка. – Считается, что именно родную дочь он изнасиловал прежде всех остальных. Семь лет назад, когда девочке только исполнилось десять.

Сняв трубку интеркома, хозяйка попросила Тамару принести бутылку хереса и два бокала. Женщины помолчали – каждая о своем. Вскоре открылась дверь, и Тамару вкатил тележку с только что откупоренной бутылкой вина и парой хрустальных бокалов благородной огранки. Ловким движением пальцев, словно откручивая голову пойманной птице, вывернул из бутылки пробку и со звонким журчаньем разлил вино. Хозяйка кивнула, Тамару отвесил легкий поклон и тут же вышел. Как всегда, без единого слова – и абсолютно бесшумно.

Дело не только в собаке, догадалась Аомамэ. Исчезновение ребенка (к тому же чуть ли не самого близкого существа для мадам) – вот что уязвило Тамару до глубины души. Само собой, обвинять его в этом напрямую нельзя. Все-таки он – наемный работник и, если только нет особых поручений, каждый вечер возвращается домой, где занимается своими делами и спит. И гибель собаки, и пропажа Цубасы случились ночью, когда Тамару здесь не было, и защитить их в это время он никак не мог. Тем более, что его прямая обязанность – обеспечивать безопасность «Плакучей виллы» и лично ее хозяйки. Для охраны любых объектов снаружи, включая приют, у него просто не хватит рук. И все же, и все же... Сам Тамару был убежден, что оба происшествия – результат его недосмотра, а этого он простить себе не мог.

– Итак, – сказала хозяйка, – ты готова покончить с этим отродьем?

– Готова, – уверенно ответила Аомамэ.

– Это очень непростая работа, – продолжала хозяйка. – Хотя простой работы я тебе никогда не поручала. И все же это задание особенной сложности. Я со своей стороны предоставляю тебе все, что смогу. Насколько удастся обеспечить твою безопасность, пока не знаю. Но сейчас тебе придется рисковать гораздо больше, чем обычно.

– Понимаю.

– Очень не хочется подвергать тебя риску. Но если честно, ничего другого просто не остается.

– Ну что вы, – сказала Аомамэ. – Я сама не смогу жить спокойно, пока такие твари разливают по земле.

Хозяйка взяла со стола бокал, пригубила вина. И снова уставилась на рыбок в аквариуме.

– С давних пор обожаю херес жарким летом после обеда, – призналась она. – Холодные напитки в зной не люблю. А хереса выпью – расслабляюсь и засыпаю. Незаметно так. И когда открываю глаза, вокруг уже не жарко. Когда-нибудь, наверно, так и умру. Жарким днем выпью хереса – и сама не замечу, как засну, чтобы уже не проснуться.

Аомамэ тоже взяла свой бокал, отхлебнула совсем чуть-чуть. Вообще-то она никогда не любила херес. Но сейчас и правда захотелось чего-нибудь выпить. Херес, в отличие от чая, оказался очень конкретного вкуса. Алкоголем словно прошило язык насквозь.

– Скажи честно, – попросила хозяйка. – Боишься смерти?

Почти не задумываясь, Аомамэ покачала головой.

– Да нет, не особенно. В сравнении с тем, как я жила до сих пор, разница небольшая...

Хозяйка чуть заметно улыбнулась. Похоже, к ней возвращалась прежняя бодрость. Взгляд стал мягким, губы ожили. То ли ее так возбудила беседа с Аомамэ, то ли вино разогнало кровь по жилам, бог знает.

– Но ведь у тебя есть любимый человек?

– Да... Но вероятность нашей встречи слишком близка к нулю. А если я умру, этот ноль станет абсолют.

Старушка прищурилась:

– То есть ты считаешь, что вы с ним вряд ли пересечетесь. У тебя есть какие-то причины так думать?

– Причин особых нет, – пожала плечами Аомамэ. – Кроме, пожалуй, той, что я – это я.

– И ты со своей стороны не прилагаешь никаких усилий, чтобы это случилось?

Аомамэ покачала головой:

– Для меня главное – то, что он мне нужен, и очень сильно.

Несколько секунд хозяйка с интересом изучала лицо Аомамэ.

– А ты категорична, – сказала она.

– Пришлось стать, – парировала Аомамэ. И чисто для виду пригубила из бокала. – Не то чтобы очень хотелось...

Тишина затопила гостиную. Белые лилии задумчиво свесили головы, и только рыбки все шевелили плавниками в преломленном свете аквариума.

– Я могу устроить так, чтобы ты встретилась с Лидером один на один, – сказала хозяйка. – Это будет непросто и займет какое-то время, но в итоге я все организую. От тебя потребуется сделать то же, что и всегда. Однако после того, как все закончится, тебе придется исчезнуть. Сделать пластическую операцию. Уволиться с нынешней работы и уехать очень далеко. Сменить имя. В общем, бросить все, что у тебя сейчас есть, и стать другим человеком. За работу, само собой, ты получишь вознаграждение. Обо всем остальном позабочусь я. У тебя нет возражений?

– Я уже говорила: мне терять нечего, – ответила Аомамэ. – Работа, имя, нынешняя жизнь в Токио – все это для меня уже не имеет смысла. Так что возражений нет.

– Даже не против, если тебе поменяют лицо?

– А что, можно сделать его симпатичнее?

– Если захочешь – можно, – серьезно сказала хозяйка. – Разумеется, лишь до определенной степени, но с учетом всех твоих пожеланий.

– Тогда бы и грудь переделать...

– Хорошая мысль, – согласилась хозяйка. – Для маскировки и это важно.

– Шучу, – вздохнула Аомамэ. – Грудь у меня, конечно, не ахти какая, но пускай остается как есть. И носить не тяжело, и новых лифчиков покупать не придется.

– Ну, этим добром я тебя обеспечу в любых количествах.

– Я опять пошутила, – призналась Аомамэ.

– Прости, – слабо улыбнулась хозяйка. – Слишком редко ты шутишь, я пока не привыкла...

– В общем, против пластической операции я не возражаю.

– Тебе придется порвать со всеми друзьями.

– У меня нет тех, кого я назвала бы друзьями, – сказала Аомамэ.

И тут же вспомнила об Аюми. Если я вдруг исчезну, подумала она, возможно, Аюми почувствует, что ее бросили. А может, и предали. Но у этой дружбы с самого начала не было будущего. Аомамэ ступила на опасную дорожку, сойдясь так тесно с женщиной-полицейским.

– У меня было двое детей, – сказала хозяйка. – Сын и дочь на три года младше. Дочь умерла. Покончила с собой, я тебе рассказывала. У нее детей не было. С сыном у меня отношения не сложились, мы почти не общаемся. Моих внуков – трех его детей – я не видела уже очень давно. Тем не менее, когда я умру, большинство моего состояния унаследуют сын и внуки. Почти автоматически. В наши дни завещание уже не имеет такой силы, как раньше. И все же пока у меня есть свободные деньги, которыми я распоряжаюсь как хочу. Солидную часть их я собираюсь передать тебе, когда ты выполнишь эту работу. Пойми правильно, я вовсе не желаю тебя покупать. Я просто хочу сказать, что отношусь к тебе как к родной дочери. И мне правда жаль, что на самом деле это не так...

Аомамэ смотрела на хозяйку, не говоря ни слова. Будто о чем-то вспомнив, та поставила на стол бокал с хересом. Обернулась, полюбовалась на соблазнительные бутоны белых лилий. Вдохнула их призывный аромат – и снова повернулась к Аомамэ.

– Да, я хотела воспитать малышку Цубасу как дочь. Но в итоге потеряла ее. И помочь бедняжке ничем не смогла. Я просто сидела сложа руки и смотрела, как она уходит в ночную мглу. А теперь еще и тебя посылаю туда, где опасность на каждом шагу... Если б ты знала, как мне этого не хочется! Но к сожалению, никаких других способов достичь цели не осталось. Сама я теперь способна только на вознаграждение.

Аомамэ слушала, не говоря ни слова. Когда хозяйка умолкла, за стеклянной дверью прощебетала какая-то птица. Выдала длинную трель и тут же куда-то пропала.

– Этого человека необходимо ликвидировать любой ценой, – сказала Аомамэ. – Вот что сейчас главное. И я чрезвычайно благодарна вам за то, что вы настолько меня цените. Как вы знаете, я в детстве ушла от матери с отцом. А если точнее, они забыли обо мне еще раньше. Пробиралась по жизни без родительской опеки. И заточила свое сердце на выживание в одиночестве. Это было очень нелегко. Часто я казалась себе каким-то ошметком человека. Бессмысленным, грязным ошметком... Поэтому за то, что вы сейчас говорите обо мне, огромное вам спасибо. Хотя менять привычки уже поздно. Однако у малышки Цубасы ситуация совсем не такая. Я уверена, девочку еще можно спасти. Не стоит отказываться от нее так легко. Не теряйте надежды – и верните ее во что бы то ни стало.

Хозяйка кивнула:

– Кажется, я наговорила лишнего. Конечно же, я не отказываюсь от малышки. И постараюсь сделать все возможное, чтобы вернуть ее. Просто, как ты и сама видишь, я слишком устала. После того как я не смогла ей помочь, из меня будто ушла вся энергия. Нужно время, чтобы восстановиться. Хотя, может, я уже слишком стара? И сколько ни жди, силы не вернуться?

Аомамэ поднялась с дивана, подошла к хозяйкиному креслу и присела на подставку для ног. А потом взяла узкие, изящные ладони старушки в свои и крепко пожала.

– Вы невероятно сильная женщина, – сказала Аомамэ. – Вы способны преодолевать любые невзгоды лучше кого бы то ни было. Просто вы пережили шок и очень устали. Сейчас вам лучше поспать. А когда откроете глаза, вы обязательно вернетесь к себе настоящей.

– Спасибо, – отозвалась хозяйка. И стиснула пальцы в ответном пожатии. – Наверное, мне и правда лучше уснуть.

– Тогда я, наверно, пойду, – сказала Аомамэ. – Буду ждать от вас сообщений, а пока соберусь в дорогу. Надеюсь, много вещей не потребуется?

– Собирайся так, чтобы ехать налегке. Всем, что понадобится, я сразу тебя обеспечу.

Аомамэ отняла пальцы от хозяйкиных ладоней и встала.

– Отдыхайте, – пожелала она вместо прощания. – Все обязательно будет хорошо.

Хозяйка кивнула. А потом откинулась в кресле и закрыла глаза. Аомамэ бросила последний взгляд на рыбок в аквариуме, вдохнула аромат лилий и вышла из гостиной с высокими потолками.

У выхода ее ждал Тамару. На часах было пять, но солнце висело еще высоко и палило все так же нещадно. Идеально начищенные туфли Тамару сверкали на этом солнце, как зеркала. Редкие летние облака, словно избегая приближаться к разбушевавшемуся светилу, опасливо жались по краям неба. Хотя «сливовым дождям» полагалось длиться еще неделю-другую, вот уже несколько дней стояла жара, скорее свойственная середине лета, чем его началу. По всему саду в кронах деревьев стрекотали цикады. Совсем негромко, будто стесняясь. Но достаточно внятно, чтобы Аомамэ восприняла это как знак. Мир продолжал вертеться в том же порядке, какой царил до сих пор. Цикады стрекочут, летние облака бегут по небу, на ботинках Тамару – ни пылинки, ни пятнышка. Но именно это вдруг показалось Аомамэ необычным. Сам факт того, что мир продолжает вертеться как ни в чем не бывало, словно говорил ей: что-то не так.

– Послушайте, Тамару, – сказала Аомамэ. – Можно с вами поболтать? Есть минутка?

– Можно, – ответил Тамару, ничуть не меняясь в лице. – Время есть. Убивать время – составная часть моей работы.

Сказав так, он опустился в садовое кресло у выхода. Аомамэ пристроилась на соседнем. Они сидели в прохладной тени от крыши здания и вдыхали аромат свежей травы.

– Вот и лето в разгаре, – сказал Тамару.

– Уже и цикады поют, – согласилась Аомамэ.

– Цикады в этом году рановато распелись. В этих местах они скоро разорутся так, что хоть уши затыкай. Когда я останавливался в одном городке у Ниагарского водопада, там такой же грохот стоял. С утра до вечера, без перерыва. Словно скрежетали миллионы цикад.

– Вы бывали на Ниагаре?

Тамару кивнул:

– Ниагара-Фоллз – самый скучный город на свете. Я проторчал в нем целых три дня, но там совершенно нечем заняться – можно только слушать чертов водопад. Этот грохот так буравил мозги, что даже книжку не считаешь.

– Зачем же вы там торчали целых три дня?

Тамару ничего не ответил, лишь чуть заметно покачал головой. С полминуты они молча слушали негромкий стрекот цикад.

– У меня к вам просьба, – наконец сказала Аомамэ.

По лицу Тамару пробежала тень любопытства. Что ни говори, а такие девушки, как Аомамэ, крайне редко о чем-либо просят.

– Это не совсем обычная просьба, – продолжала она. – Буду рада, если вы не обидитесь.

– Смогу я ее выполнить или нет – вопрос отдельный, – ответил Тамару. – Но выслушать могу без проблем. Ну и хотя бы из уваженья к тебе постараюсь не обижаться.

– Мне нужен пистолет, – по-деловому отчеканила Аомамэ. – Маленький, чтобы в сумочку влезал. С небольшой отдачей, но с приличной убойной силой и надежный в эксплуатации. Переделка из модели или филиппинская реплика не годятся. Воспользуюсь только однажды. И патрона, пожалуй, одного хватит.

Между ними повисло молчание. Всю эту паузу Тамару не спускал глаз с Аомамэ.

– В этой стране, – медленно, словно впечатывая в память собеседника каждое слово, произнес он, – закон запрещает гражданским лицам иметь пистолеты. Надеюсь, ты в курсе?

– Разумеется.

– На всякий случай поясню: до сих пор я ни разу к уголовной ответственности не привлекался. И перед законом чист. Другое дело, что в законе у нас дырок да лазеек всегда хватало. Этого не отрицаю. Но в легальном смысле я абсолютно добропорядочный гражданин. В официальной биографии – ни пылинки, ни пятнышка. Да, я гей, но законом это не возбраняется. Все налоги плачу, на выборы хожу. Пусть даже кандидаты, за которых я голосую, еще никогда не побеждали. Штрафы за нелегальную парковку всегда уплачивал в срок. В превышении скорости ни разу не замечен. За страховой пакет и за «Эн-эйч-кей» плачу каждый месяц в банке. И «Мастеркард», и «Ам-Экс», если нужно, всегда меня кредитуют. Хоть и не собираюсь, могу купить дом с рассрочкой на тридцать лет. Своим положением я вполне доволен и терять его не хочу... Да ты вообще соображаешь, у какого образцового члена общества просишь достать тебе пистолет?

– Но я же просила не обижаться.

– Я помню.

– Вы меня извините, просто, кроме вас, мне с такой просьбой обратиться больше не к кому.

Тамару издал горлом звук, похожий на сдавленное рыдание.

– Будь я человеком, который может тебе помочь, я бы первым делом спросил: ну и куда же ты собираешься стрелять?

Аомамэ уперла указательный палец себе в висок.

– Скорее всего, сюда.

Несколько секунд Тамару бесстрастно разглядывал ее палец.

– Тогда бы я спросил: а зачем?

– Не хочу, чтоб меня поймали. Умереть не боюсь. И даже в тюрьме как-нибудь справлюсь, несмотря на все ее прелести. Но если меня схватят какие-нибудь маньяки и начнут пытаться – вот это уже не по мне. Я никого выдавать не хочу. Вы меня понимаете?

– Думаю, да.

– Убивать людей или грабить банк я не собираюсь. Так что какой-нибудь двадцатизарядный полуавтомат с глушителем здесь не нужен. Что-нибудь компактное с небольшой отдачей было бы в самый раз.

– Но ведь можно и яду выпить, как вариант. Яд достать куда проще, чем пистолет.

– С ядом много возни. Пока эту капсулу в рот засунешь, пока раскусишь, тебя уже несколько раз обездвижить могут. А с пистолетом все можно решить за секунду.

Тамару задумался, слегка задрал правую бровь.

– По возможности, не хотелось бы тебя потерять, – произнес он наконец. – Ты мне по-своему нравишься. Внутренне симпатична, скажем так.

– Даром что женщина?

– Неважно. Что женщин, что мужчин, что собак в моем внутреннем мире не так уж и много.

– Не сомневаюсь, – кивнула Аомамэ.

– В то же время моя главная задача – обеспечивать спокойствие и безопасность нашей мадам. И в этом я как-никак профессионал.

– Не то слово.

– Исходя из этого, я, пожалуй, проверю, что можно для тебя сделать. Гарантий никаких не даю. Хотя не исключаю, что найду человека, который тебе поможет. Только учти, что просьба твоя очень не проста. Это тебе не электроодеяло с доставкой на дом по телефону заказывать. Возможно, ответ будет через неделю, если не позже.

– Я согласна, – сказала Аомамэ.

Тамару, прищурившись, поднял взгляд на звеневшие цикадами деревья.

– Дай бог, чтобы все было хорошо. А уж ради благого дела и я помогу, чем смогу.

– Спасибо вам. Насколько я понимаю, это будет мое последнее задание. Не исключаю, что, мы с вами больше не увидимся.

Тамару воздел к небу руки – точно бедуин, вызывающий дождь в самом сердце пустыни. Но ничего не сказал. Руки у него были огромные и в мелких шрамах. Куда больше эти ручищи походили на захваты фрезерного станка, чем на части человеческого тела.

– Не люблю прощаться, – сказал Тамару. – Мне даже с собственными родителями проститься не удалось.

– Они умерли?

– Может, умерли, а может, живы еще, не знаю. Родился я на Сахалине в самом конце войны. Южная часть острова тогда была японской территорией и называлась Карафуто. Но в сорок пятом советская армия выбила японцев с Сахалина, и мои родители оказались в плену. Отец тогда, кажется, работал в порту. Большинство своих гражданских японцы успели вывезти на родину, но мои родители – корейцы, которых японцы пригнали на Сахалин как бесплатную рабочую силу, да там и оставили. После войны уроженцы Корейского полуострова перестали быть гражданами Великой Японской империи, и вывозить их куда-либо японское правительство отказалось. Чистое свинство, ничего человеческого. Если б они захотели вернуться, их бы выслали в КНДР, но не на юг. Поскольку Южную Корею как государство Советы в те годы не признавали. А мои родители родились в рыбацкой деревушке под Пусаном и ехать на Север ни малейшего желания не испытывали. Все-таки там у них не было ни родни, ни друзей. Грудным ребенком меня отдали знакомой японской семье и переправили на Хоккайдо. На Сахалине тогда свирепствовал страшный голод, да и с пленными обращались сурово. А я у родителей был не один, и с моим рождением всех прокормить стало уже не под силу. Может, они надеялись через несколько лет перебраться на Хоккайдо и отыскать меня. А может, для них это просто был предлог, чтобы избавиться от лишнего рта. Не знаю. Но встретиться снова нам так и не удалось. Скорее всего, они до сих пор так и живут на Сахалине. Если, конечно, не померли.

– А вы о них что-нибудь помните?

– Ничего не помню. Когда мы расстались, мне был год с небольшим. Сперва я воспитывался в семье, с которой уехал, а потом меня отдали в сиротский приют неподалеку от Хакодате. Видимо, у этой семьи тоже не входило в планы кормить меня всю жизнь. Приют находился в горах, содержали его христиане-католики, и было там ох как несладко. Сразу после войны таких приютов по всей стране были тысячи, и буквально в каждом не хватало еды и топлива. Чего только не приходилось вытворять, чтобы просто выжить... – Тамару скользнул глазами по своей правой ладони. – Там-то я и получил формальную бумагу о японском усыновлении. А также японское имя: Кэнъити Тамару. Хотя на самом деле моя фамилия – Пак. Людей с такой фамилией – примерно как звезд на небе...

Кресло к креслу, они сидели и слушали скрежет цикад.

– Завести бы вам новую собаку, – сказала Аомамэ.

– Вот и мадам советует, – кивнул Тамару. – Дескать, приюту нужен новый сторожевой пес. Только я все к этой мысли не привыкну.

– Понимаю. Но лучше заведите. Я, конечно, не вправе что-либо советовать... И все же.

– Ладно, – сказал Тамару. – Хорошо дрессированная собака и правда нужна. Подыщем как можно скорее.

Аомамэ скользнула глазами по часам на руке и встала. До вечера еще оставалось немного времени, но солнце уже запрашивало у неба разрешения на закат. В небесной лазури прослеживались неголубые оттенки. А хмель от хереса пока оставался в крови. Спит ли еще хозяйка?

– Как писал Чехов, – промолвил Тамару, поднимаясь с кресла, – если в начале пьесы на стене висит ружье, к концу оно выстреливает.

– В каком смысле?

Тамару встал прямо перед Аомамэ. И оказался выше на каких-то несколько сантиметров.

– Не захламляй свою историю лишними инструментами, – сказал он. – Притащишь в свою историю пистолет – он обязательно выстрелит. Не увлекайся красотами, они сработают против тебя. Вот что хотел сказать Чехов. Он любил истории, где нет ничего лишнего.

Аомамэ поправила юбку, перекинула ремень сумки через плечо.

– Значит, вот что вас беспокоит? – уточнила она. – Если есть оружие, оно обязательно выстрелит?

– Если по Чехову – да.

– И поэтому, насколько возможно, вы не хотели бы давать мне пистолет?

– Это опасно. И незаконно. Да и Чехов – один из немногих писателей, которым я доверяю.

– Но вы говорите о литературе. А я – о реальности.

Прищурившись, Тамару долго изучал лицо Аомамэ. И только потом изрек:

– А кто поймет, в чем отличие?

Глава 2

ТЭНГО

Нечего вытрясти, кроме души

Тэнго поставил на вертушку диск с «Симфониеттой» Яначека (Сэйдзи Одзава дирижировал Чикагским оркестром) и нажал на «автопуск». Пластинка завертелась, рычажок тонарма подплыл к краю диска, игла нащупала бороздку. Вздохнули фанфары – и по комнате раскатился величественный гром литавр. Вступление к первой части Тэнго любил в «Симфониетте» больше всего.

Под торжественные раскаты струнных-ударных-духовых Тэнго сел за процессор и начал быстро печатать слово за словом. Слушать «Симфониетту» на рассвете давно уже стало у него ритуалом. С тех пор как он разучил эту музыку со школьным оркестром, «Симфониетта» играла в его жизни особую роль. Это маленькое произведение одновременно и вдохновляло, и оберегало его. По крайней мере, так казалось ему самому.

Однажды он поставил «Симфониетту» своей замужней подруге.

– А что, неплохо, – одобрила она.

Впрочем, подруга куда больше классики уважала доавангардный джаз. И чем старше, тем лучше. Станный каприз для женщин ее поколения. Самой же

любимой ее пластинкой был сборник блюзов Уильяма Хэнди в исполнении Луи Армстронга. С Барни Бигардом на кларнете и Трамми Янгом на тромбоне. Этот альбом она даже привезла Тэнго в подарок. Хотя, похоже, не столько затем, чтобы он услышал и оценил, сколько ради того, чтобы лишний раз насладиться самой.

Эту музыку они часто слушали в постели сразу после секса. И сколько ни ставили, подруге не надоедало.

– Конечно, и вокал, и труба Армстронга безупречны, – говорила она. – Но я считаю, тебе стоит особо внимательно вслушаться в кларнет Барни Бигарда.

Как назло, именно в этом альбоме сольных партий Бигарда раз-два и обчелся. И каждая – не дольше одного квадрата. Все-таки что ни говори, а это альбом Армстронга. Тем не менее каждый вздох кларнета подруга смаковала, как дорогое воспоминание, помнила наизусть и всякий раз тихонько мычала под музыку.

– Возможно, найдутся на свете кларнетисты и покруче Барни Бигарда, – говорила она. – Однако более идеального сочетания душевной теплоты с виртуозностью среди джаз-кларнетов не встретишь, сколько ни ищи. Его манера игры, особенно если маэстро в ударе, всякий раз порождает некий отдельный пейзаж-настроение.

Других кларнетистов Тэнго не знал, и сравнивать ему было не с чем. Но все же насколько добр, ненавязчив и богат на идеи кларнет на этой пластинке, он понял лишь постепенно, прослушав вместе с подругой весь альбом много раз. Хотя стоит признать: понял он это лишь благодаря тому, что его заставляли вслушиваться. Грубо говоря, ему требовался гид-проводник. Услышь он эту музыку случайно и в одиночку – черта с два бы что-нибудь разобрал.

– Барни Бигард – настоящий игрок второй базы, – как-то сказала подруга. – Понятно, что сами соло у него классные, но все же самое главное он вытворяет на подсознании слушателей. Жутко сложные вещи подает так, словно ни ему, ни нам это не стоит ни малейших усилий. Но эту его философию замечают только очень внимательные меломаны...

Всякий раз, когда начинался «Atlanta Blues» – шестой и последний на второй стороне альбома, – подруга хватала Тэнго за что-нибудь и требовала, чтобы он непременно вслушался в «особо чувственное» соло Бигарда, затиснутое между вокалом и трубой Армстронга.

– Вот! Слышишь? Сначала вскрикивает, как младенец. То ли от удивления, то ли от восторга, то ли просто от счастья... А потом превращается в радостное такое дыхание – и улетает неизвестно куда. В какое-то очень правильное место, которого нам и знать не дано. Во-от! Настолько воздушное, трепетное соло может выдать только он и больше никто. Ни Сидни Башей[2 - Принято Сидней Беше.], ни Джимми Нун, ни Бенни Гудмен – ни один из мировых виртуозов кларнета на такую изощренную чувственность не способен.

– Откуда ты знаешь столько старого джаза? – как-то спросил ее Тэнго.

– В моем прошлом много такого, чего ты не знаешь, – ответила подруга, поглаживая его член. – И чего никому уже не изменить.

Поработав с утра, Тэнго прогулялся до станции, купил в киоске газету. Потом зашел в кафетерий, заказал себе тосты с яйцом и в ожидании завтрака погрузился в новости, прихлебывая кофе. Как и предсказывал Комацу, о Фукаэри написали. В разделе «Общество», сразу над рекламой автомобилей «мицубиси». Под заголовком: «Ведущая писательница-тинейджер исчезла?»

Как стало известно утром ** июля, автор нашумевшего романа «Воздушный кокон» г-жа Эрико Фукада (17 лет), известная под псевдонимом Фукаэри, пропала без вести. Согласно утверждениям ее опекуна, ученого-историка г-на Такаюки Эбисуно (63 года), объявившего ее в официальный розыск, вечером 27 июня Эрико не вернулась ни домой в Оумэ, ни в квартиру на окраине Токио, и связь с ней оборвалась. Как сообщил г-н Эбисуно по телефону, в последний раз, когда он видел Эрико, девушка выглядела жизнерадостной, никаких причин для того, чтобы она убегала из дому, он назвать не может, а поскольку до сих пор ничего подобного с ней не случалось, обеспокоен, не произошел ли несчастный случай. Ответственный редактор издательства ***, выпустившего «Воздушный кокон», г-н Юд-зи Комацу сообщает: «Хотя роман уже шесть недель лидирует в списках продаж, г-жа Фукада ни разу не выразила желания пообщаться с

прессой. Насколько ее исчезновение связано с подобной линией поведения, издательству пока сказать трудно. Г-жа Фукада – юная одаренная личность, подающий надежды литератор. Мы от всей души молимся за то, чтобы как можно скорее увидеть ее вновь живой и здоровой». Полиция разрабатывает сразу нескольких версий произошедшего.

Тэнго понял: это пока все, что могут позволить себе газетчики. Если сейчас они подадут эту новость как сенсацию, а через пару дней Фукаэри как ни в чем не бывало вернется домой, журналист, написавший статью, сгорит со стыда, а репутация газеты заметно пошатнется. Ту же линию гнут и в полиции. Что одни, что другие предпочитают первым делом запустить в небеса не особо приметный аэростат и оттуда наблюдать, куда движется общественное мнение. Вот затрещат таблоиды, забубнят теледикторы в новостях – тогда и поговорим серьезно. А пока торопиться некуда.

И все-таки рано или поздно в воздухе запахнет жареным, в этом можно не сомневаться. Хотя бы потому, что «Воздушный кокон» – бестселлер, а его автор – притягательная семнадцатилетняя красотка. Которая пропала неведомо куда. Галдеж подымется до небес, это уж точно. О том, что Фукаэри никто не похищал и что она где-то, знают лишь четыре человека. Она сама, Тэнго, Эбисуно-сэнсэй и дочь сэнсэя Адзами. Ни одна живая душа, кроме них, понятия не имеет, что вся эта шумиха с исчезновением – просто спектакль для привлечения внимания.

Радоваться ли этому тайному знанию? Или опасаться за свою шкуру? Наверное, лучше радоваться. По крайней мере, за саму Фукаэри можно не волноваться, раз она в безопасности. Но с другой стороны, разве не сам Тэнго помог всей этой афере осуществиться? Сэнсэй поддел палкой огромный придорожный булыжник, напустил солнца в яму, что распахнулась в земле, и теперь дожидается, что же оттуда выползет. А Тэнго волей-неволей ждет рядом. Что именно выползет, ему знать не хочется. И по возможности, видеть – тоже. Вряд ли что-нибудь приятное. Но увидеть, к сожалению, придется.

Тэнго выпил кофе, дожевал тосты и, оставив на столе прочитанную газету, вышел из кафетерия. Вернувшись домой, почистил зубы, принял душ и начал собираться на лекции.

В колледже на обеденном перерыве к нему явился посетитель. После утренних лекций Тэнго зашел в зал отдыха для преподавателей, сел на диван и собрался было пролистать еще не читанные утренние газеты. Вдруг перед ним возникла секретарша директора и сообщила, что некий господин просит у него, Тэнго, аудиенции. Секретарша была на год старше Тэнго. Очень способная женщина. Хотя формально и числилась секретаршей, в действительности тащила на себе почти все управление колледжем. Для классической красавицы лицо, пожалуй, грубоватое, но это с лихвой компенсировалось ее превосходным чувством стиля как в одежде, так и в манере держаться.

– Представился как господин Усикава, – добавила она.

Никого с таким именем Тэнго не помнил. Секретарша отчего-то слегка нахмурилась.

– И поскольку вопрос жизненно важный, попросил беседы с глазу на глаз.

– Жизненно важный? – удивился Тэнго. По крайней мере, в стенах этого колледжа никто до сих пор не обращался к нему с жизненно важными вопросами.

– Я пустила его в приемную, там сейчас свободно. Хотя, конечно, внештатным сотрудникам без особого разрешения приемной пользоваться не положено...

– Большое спасибо, – поблагодарил Тэнго. И чуть заметно улыбнулся. Но секретарша не обратила на это никакого внимания: развернулась, взмахнув полой летнего жакетика от «Аньес Б», и быстро зашагала прочь.

Усикава оказался низкорослым мужчиной лет сорока пяти. С обрюзгшим телом и толстыми складками на шее. Насчет возраста, впрочем, Тэнго тут же засомневался. Ибо чуть ли не главной особенностью этого лица было то, что возраст по нему определить невозможно. Может, далеко за сорок пять. А может, гораздо меньше. Сообщил он любой – от тридцати двух по пятидесяти шести, – и можно запросто убедить себя, будто ему столько и есть. Зубы неровные, позвоночник перекошен. Неестественно плоская лысина, окруженная буграми и рытвинами, венчала огромную голову – прямо полевая вертолетная площадка из кинохроники о Вьетнамской войне. Густая шевелюра вокруг этой лысины наполовину скрывала уши и была спутана так беспорядочно, что у девяноста

восьми человек из ста наверняка вызывала ассоциации с лобковыми волосами (что могли вообразить остальные двое, Тэнго даже загадывать не решился).

И лицо, и тело гостя поражали своей асимметричностью: куда ни глянь, левая сторона не являлась даже приблизительным отражением правой. Эту странность в собеседнике Тэнго отметил мгновенно. Понятно, что абсолютной симметрии у человеческих тел не бывает. У самого Тэнго брови слегка отличались друг от друга по форме, а левое яичко свисало несколько ниже правого. Все-таки людей не производят на заводе по установленным стандартам. Но хотя бы приблизительное сходство правой и левой сторон нам от Природы, как правило, полагается. Этого же бедолагу старушка Природа гармонией обделила. Нарушения баланса в его внешности резали глаз и действовали на нервы любому. При виде этого человека становилось так же неуютно, как от взгляда в кривое, но совершенно отчетливое – и оттого еще более неприятное – зеркало.

Серый костюм незнакомца был так густо усеян складками и морщинами, что напомнил Тэнго скованную ледником равнину на аэрофотоснимке. Воротничок рубашки выбивался из-под ворота пиджака, а узел галстука, похоже, специально завязали так, чтобы на века зафиксировать всю нелепость существования его хозяина в этом мире. Костюм и рубашка не совпадали размерами, а узор на галстуке напоминал натюрморт «Расползшаяся лапша» кисти студента-неудачника из второсортного художественного колледжа. Все вещи явно куплены со скидкой на распродаже. Чем дольше Тэнго разглядывал одеяние собеседника, тем острее жалел его. К своему гардеробу сам он относился равнодушно, однако почему-то всегда обращал внимание на то, как одеты другие. И теперь мог с уверенностью сказать: в шорт-лист самых ужасно одетых людей, что ему встретились за последний десяток лет, сегодняшний визитер попадал без труда. И дело даже не в отсутствии вкуса. Этот тип будто ставил целью надругаться над понятием вкуса как таковым. При виде Тэнго незнакомец тут же поднялся с кресла и, согнувшись в поклоне, протянул визитную карточку. Имя и фамилия на визитке были напечатаны иероглифами и чуть ниже дублировались по-английски: Toshiharu Ushikawa. А под ними мелким шрифтом значилось: «Фонд поддержки искусства и науки новой Японии, штатный сотрудник совета директоров». Дальше указывались адрес организации – район Тиёда[3 - Тиёда – один из самых респектабельных районов центрального Токио, десятую часть площади которого занимает территория Императорского дворца.], квартал Кодзимати – и номер телефона. Ни что именно развивал и поддерживал этот фонд, ни чем вообще может заниматься штатный сотрудник в совете директоров, Тэнго, разумеется, понятия не имел. Однако визитка была из

дорогушей бумаги с водяными знаками, какой не предложат в обычной печатной лавке за углом. Несколько секунд Тэнго изучал визитку, затем поднял взгляд на ее хозяина. Что-то не сходилось. Ей-богу, организация с такими визитками, адресом и названием никак не могла позволить себе настолько нелепого на вид сотрудника.

Они сели в кресла у журнального столика и посмотрели друг другу в глаза. Незванный гость полез в карман, достал носовой платок, несколько раз старательно вытер потную физиономию и спрятал несчастный платок обратно. Девушка из службы приема принесла им зеленого чая. Тэнго поблагодарил ее. Усикава ничего не сказал.

– Простите, что отнимаю бесценное время отдыха... ну и что не договорился о встрече заранее, – проговорил наконец Усикава. Несмотря на вежливые слова, в его манере общаться сквозила некая фамильярная снисходительность. Что опять же не нравилось Тэнго. – Ах да! Вы же еще не обедали? Так, может, пойдем и побеседуем где-нибудь за едой?

– Между лекциями не обедаю[4 - Обеденный перерыв в большинстве японских фирм и учреждений – с 12.00 до 13.00.], – сухо ответил Тэнго. – К двум часам все закончу, тогда и перекушу где-нибудь. Так что за мой обед прошу не беспокоиться.

– Понял! Здесь тоже можно. Хорошая обстановка. Ничто не отвлекает... – Усикава окинул приемную взглядом оценщика в ломбарде.

Что и говорить, комнатка не фонтан. На стене – горный пейзаж в массивной раме. При взгляде на эти горы только и думалось: сколько же, интересно, весит такая рама? В огромной цветочной вазе громоздились какие-то георгины. Тяжелые и угрюмые, точно женщины после наступления климакса. За каким лешим устраивать настолько мрачную приемную в колледже для абитуриентов, Тэнго не понимал.

– Извините, сразу не представился, – продолжал посетитель. – Как и написано на визитке, зовут меня Усикава. Хотя все мои друзья кличут меня просто Уси[5 - Фамилия «Усикава» записывается иероглифами «у?си» (корова) и «ка?ва» (река). Соответственно, Усикаву дразнят «коровой» или «быком». Стоит отметить, что в «низком» слое японской лексики сравнения людей с домашним скотом

считаются оскорбительными.]. Представьте себе, никто не хочет произносить мою фамилию как положено. Уси – и все тут! – Усикава добродушно осклабился. – Прямо беда...

Друзья? Тэнго подумал, что ослышался. Кем нужно быть, чтобы от чистого сердца дружить с таким типом? Посмотрел бы я на этих «друзей», хотя бы из любопытства...

В первые же секунды знакомства Усикава напомнил Тэнго скользкую бесформенную субстанцию, выползающую из темной норы. То, чему на свет божий являться никак нельзя. Не это ли зловещее нечто разбудил под придорожным булыжником Эбисуно-сэнсэй? Нахмурившись, Тэнго положил визитку на столик перед собой. Тосихару Усикава. Вот, значит, как тебя величать.

– Насколько я знаю, вы, господин Кавана, человек занятой, – сказал Усикава. – Поэтому предлагаю опустить в нашей беседе все ненужные экивоки и говорить только по существу.

Тэнго чуть заметно кивнул. Усикава отхлебнул чаю и начал разговор по существу.

– Полагаю, о «Фонде поддержки искусства и науки новой Японии» вы слышите впервые?

Тэнго снова кивнул.

– Неудивительно, – продолжал Усикава. – Организация создана совсем недавно. Ее главная цель – финансовая поддержка молодых независимых дарований в науке и искусстве, в первую очередь – тех, чьи имена пока не известны широкой общественности. Иными словами, мы стараемся отыскать и выпестовать ростки нового поколения японской культуры. Выходим на ученых, исследователей, творческих личностей самого разного профиля и заключаем с ними договоры. Ежегодно наша комиссия отбирает пять стипендиатов, которым предоставляется грант на развитие собственного проекта. Целый год можно заниматься тем, что вы любите больше всего, как вам самому угодно. Никто не будет дергать вас за ниточки. А в конце года, чисто для проформы, напишете

простенький отчет. Пары-тройки абзацев достаточно: что проделали за год, каких успехов достигли. Ваш отчет будет опубликован в журнале, который издается Фондом. Абсолютно ничего сложного. Организация совсем молодая, и на данном этапе для нас самое важное – отчитаться о результатах финансовых вложений. Показать, что мы засеяли семена и урожая ждать уже недолго. А если конкретно – каждому из пяти стипендиатов выдается годовой грант на сумму три миллиона иен[6 - На время действия романа – около 25 000 долларов США.].

– Неплохо для стипендии, – заметил Тэнго.

– Чтобы создать что-нибудь важное или открыть что-нибудь значительное, необходимы деньги и время. Конечно, далеко не всегда, потратив время и деньги, добиваешься выдающихся результатов. И все же эти две составляющие еще никогда никому не мешали. Особенно мало, как правило, времени. Оно исчезает буквально с каждой секундой: тик-так, тик-так... Раз! – и уже ничего не осталось. Чей-то шанс навсегда потерян. Но если есть деньги, время можно купить. Равно как и свободу. Свобода и время – важнейшие для человека вещи, какие только возможно купить за деньги...

Тэнго почти машинально опустил взгляд к часам на руке. Стрелки часов – тик-так, тик-так – отсчитывали секунды его перерыва.

– Поэтому извините, что в данном случае отнимаю время у вас, – тут же спохватился Усикава. С такой готовностью, будто специально разыграл эту сценку для пущей демонстрации своих слов. – Постараюсь быть краток. Разумеется, на три миллиона особо не пошикуешь. Но для молодого дарования этого вполне достаточно, чтобы целый год, не заботясь о хлебе насущном, заниматься любимым делом в науке или искусстве. Наша задача – поддержать таких людей. Через год результаты их усилий обсуждаются нашим руководством, и если работа признается успешной, грант продлевается еще на год. И так далее.

Не говоря ни слова, Тэнго ждал, чем закончится сей странный монолог.

– Вчера, господин Кавана, я целый час с большим вниманием слушал вашу лекцию, – продолжил Усикава. – Очень, оч-чень интересно излагаете! Сам-то я в жизни с математикой никак не связан, да и в школе, признаться, терпеть ее

не мог. Никак мне она не давалась. Бывало, слышу слово «математика» – живот сразу скручивает, хочется бежать куда глаза глядят. Однако на вашей лекции, господин Кавана, о-о, даже мне стало интересно! Я, конечно, во всех этих интегралах и дифференциалах ни бельмеса не смыслю, но стоило вас послушать – волей-неволей подумалось: если и правда так интересно, может, и мне подучиться? И это, скажу я вам, очень здорово! У вас, господин Кавана, врожденный талант. Особый дар: увлекать воображение людей туда, куда вам хочется. Неудивительно, что ваши лекции так популярны среди абитуриентов этого колледжа!

Где и когда Усикава мог услышать его лекции, Тэнго не представлял. Стоя за кафедрой, он всегда очень пристально вглядывался в лица слушателей. Всех, конечно, не упомнишь. И все-таки, окажись в аудитории такое чудо света, как Усикава, от внимания Тэнго это не ускользнуло бы ни в коем случае. Среди обычных абитуриентов этот тип просто резал бы глаз, как сороконожка в сахарнице. Но Тэнго решил не уточнять. И без того их странная беседа уже затягивалась черт знает на сколько.

– Как вам уже известно, я простой внештатный преподаватель обычного подготовительного колледжа, – перебил он, чтобы как-то сберечь уходящее время. – Научными исследованиями не занимаюсь. Я всего лишь пытаюсь как можно доходчивей и интереснее донести до абитуриентов знания, которые широко известны и без меня. А также объясняю, как лучше решать задачи, с которыми они столкнутся при поступлении в вузы. Возможно, к такой работе у меня склонность. Но на мысли о том, чтобы стать ученым-математиком, я давно уже махнул рукой. С одной стороны, материально не нуждаюсь. С другой – не уверен, что у меня хватит таланта и выдержки для серьезной академической карьеры. Поэтому прошу меня извинить, господин Усикава, но ваших ожиданий я оправдать не смогу.

Усикава в растерянности поднял ладонь:

– О нет, я совсем не об этом! Боюсь, мое объяснение получилось слишком мудреным. Прошу прощения, коли так. Да, ваши лекции по математике весьма и весьма занимательны. Уникальные объяснения, оригинальный творческий подход. И все же я пришел совсем не за этим. Дело в том, господин Кавана, что куда больше вы интересуете нас как писатель.

На несколько секунд Тэнго потерял дар речи.

– Как писатель? – повторил он наконец.

– Именно так.

– Простите, не понимаю, о чем вы. То есть я действительно кое-что пописываю, вот уже несколько лет, но в стол. Эти тексты еще ни разу не публиковались. Таких людей, как я, писателями называть нельзя. С чего это вдруг вы заинтересовались моей персоной?

Усикава радостно рассмеялся, обнажив два ряда кривых зубов. Словно сваи морского причала, смытого цунами неделю-другую назад, эти грязные зубы торчали в разные стороны под разными углами. Никакими скобками уже не выровнять. Но было бы здорово, если бы кто-нибудь научил их хозяина правильно пользоваться зубной щеткой.

– Именно в этом и заключается уникальность нашего фонда! – гордо произнес Усикава. – Для предоставления гранта мы отбираем творцов, на чьи таланты еще никто не успел обратить внимание. Никто, кроме нас. Да, господин Кавана, созданные вами тексты пока нигде не печатались. Это нам хорошо известно. Тем не менее каждый год вы посылаете свои рукописи под псевдонимом на литературный конкурс «Дебют». И хотя, к сожалению, еще ни разу не победили, ваши произведения не раз попадали в финальный шорт-лист. Что, конечно, не могли не заметить те, кто знакомился с вашим творчеством, так сказать, по долгу службы. И среди этих специалистов по крайней мере несколько человек откровенно признают ваш талант. Как показывают наши исследования, в ближайшее время вероятность получения вами премии «Дебют» необычайно высока. Кому-то может показаться, что мы делим шкуру неубитого медведя. Но именно такие молодые дарования, как вы, и помогают нам выполнять наше главное предназначение – возвращать новое поколение отечественной культуры!

Тэнго взял чашку с остывшим чаем, сделал глоток.

– Вы хотите сказать, – уточнил он, – что я – претендент на получение вашего гранта?

– Именно! С единственной поправкой: любой отобранный нами претендент уже фактически стипендиат. Как только вы скажете, что согласны, вопрос решен. Подписываете договор – и три миллиона переводятся вам на счет. Вы сможете взять творческий отпуск и целые полгода, а то и год не ходить на работу в колледж, а сидеть дома и писать, что вам хочется. Насколько мы слышали, вы сейчас работаете над большим романом. Это ли не идеальная возможность выполнить то, что задумано?

Тэнго нахмурился:

– Откуда вам известно, что я работаю над большим романом?

Усикава опять рассмеялся, хотя по глазам было видно, что смеяться ему не хотелось.

– Нужные нам данные мы собираем очень кропотливо. Каждый претендент на грант проверяется по самым разным каналам. О том, что вы, господин Кавана, работаете над романом, сегодня знают несколько человек. Хотите вы этого или нет, а информация просачивается.

Тэнго напряг память. О том, что он пишет роман, знает Комацу. Знает замужняя подруга. Еще? Вроде больше никто.

– Насчет вашего фонда хотелось бы кое-что уточнить, – сказал он.

– Пожалуйста! Спрашивайте все, что угодно.

– Откуда организация берет деньги?

– Деньги дает частный инвестор. Фактически этот человек – единоличный владелец организации. Хотя, если строго между нами, те, кто занимается благотворительной деятельностью, освобождаются от солидной части налогов. А наш спонсор уделяет огромное внимание развитию науки и искусства, оказывает всемерную поддержку молодым дарованиям... Подробнее, к сожалению, я рассказывать не вправе, поскольку господин спонсор в общественной жизни предпочитает оставаться инкогнито. Управление фондом он доверил сообществу единомышленников, членом которого, в частности,

является и ваш покорный слуга.

Несколько секунд Тэнго пытался осмыслить услышанное. Но поскольку фактов для осмысления ему предоставили совсем немного, оставалось просто уложить их в память один за другим.

– Не возражаете, если я закурю? – осведомился Усикава.

– Ради бога, – ответил Тэнго и подвинул к собеседнику тяжелую стеклянную пепельницу.

Усикава полез в карман пиджака, достал пачку «Севен старз», сунул в рот сигарету и прикурил от тоненькой золотой зажигалки.

– Ну так что же, господин Кавана? – спросил он, выпустив в воздух струйку дыма. – Вы согласны получить такой грант? Не буду скрывать, лично мне после вашей замечательной лекции стало весьма любопытно, какого рода литературой вы могли бы поразить читательскую аудиторию.

– Премного благодарен за столь щедрое предложение, – ответил Тэнго. – Но принять от вас такой грант я, увы, никак не могу.

Зажав дымящуюся сигарету в пальцах, Усикава прищурился и посмотрел Тэнго прямо в глаза.

– В каком смысле?

– Во-первых, не хочу принимать деньги от людей, которых не знаю. Особенно если в деньгах не нуждаюсь. Трижды в неделю я преподаю здесь, в остальное время работаю над романом. До сих пор это получалось без посторонней помощи, и менять что-либо в такой жизни мне бы не хотелось. Вот вам, собственно, две основные причины.

«В-третьих, господин Усикава, связываться с таким типом, как вы, неприятно чисто физически. В-четвертых, как ни крути, от описанного вами гранта слишком подозрительно пахнет. Уж очень все гладенько. Могу спорить, с изнанки что-нибудь прогнило. Я, конечно, не Шерлок Холмс, но такую откровенную туфту по

запаху различаю», – добавил про себя Тэнго. Но вслух, понятно, этого не сказал.

– Вот, значит, как? – отозвался Усикава. И, затянувшись во все легкие, с заметным удовольствием выпустил дым. – Вот, значит, как... А вы знаете, я по-своему вас понимаю. И доводы ваши звучат вполне убедительно. И все же, господин Кавана, вам совершенно не обязательно отвечать нам прямо здесь и сейчас. Вернитесь домой, обдумайте все денька два-три, хорошо? Торопиться в таком деле не стоит. Вот и мы никуда не спешим. Взвесьте спокойно все «за» и «против». Все-таки предложение наше совсем, совсем неплохое!

Тэнго резко покачал головой:

– Спасибо за предоставленную возможность. Но лучше решить все именно сейчас, это сэкономит нам обоим время и силы. Мне в высшей степени лестно, что ваша комиссия выбрала меня в стипендиаты. А также очень неловко за то, что вы специально пришли сюда мне о том сообщить. И все же простите, но я вынужден отказаться. Это решение окончательное и пересмотру не подлежит.

Несколько раз кивнув, Усикава с явным сожалением вдавил в пепельницу сигарету, которой успел затянуться всего пару раз.

– Ладно! Я вас понял, господин Кавана. И со всем уважением отношусь к вашей позиции. Напротив, это вы меня извините за отнятое время. Очень жаль, что наше обсуждение придется закончить...

Но вставать с кресла Усикава, похоже, не собирался. Он лишь почесал в затылке и прищурился.

– Однако советую учесть, господин Кавана, – хотя сами вы, может, этого и не замечаете, – у вас большое писательское будущее. Возможно, прямой связи между математикой и литературой не существует. Но на ваших лекциях возникает очень яркое ощущение, будто слушаешь увлекательную историю. Подобный талант рассказчика Небеса даруют единицам из миллиона. Это ясно даже такому дилетанту, как я. Будет очень обидно, если вы растратите себя впустую. Уж простите за назойливость, но я бы искренне советовал вам не отвлекаться на лишнее, а шагать по жизни своей персональной дорогой...

– Не отвлекаться на лишнее? – не понял Тэнго. – Вы о чем?

– Ну, скажем, о ваших отношениях с госпожой Эрико Фукадой, автором романа «Воздушный кокон». Ведь вы уже несколько раз встречались с нею, не так ли? А сегодня газеты вдруг сообщают, что она, похоже, пропала без вести. Можно представить, какую шумиху сейчас подымут все эти охотники за новостями.

– Даже если я и встречался с госпожой Фукадой, – резко произнес Тэнго, – кому и какое до этого дело?

Усикава снова вскинул перед Тэнго ладонь. Маленькую, с толстыми сосисками пальцев.

– Ну, ну... К чему такие эмоции? Я вовсе не хочу сказать ничего плохого. Бог с вами! Я всего лишь подчеркиваю простую истину: если постоянно растрачивать время и талант, просто зарабатывая на кусок хлеба, ничего стоящего не добьешься до самой смерти. Извините за прямоту, но лично мне будет крайне досадно наблюдать, как ваш драгоценный потенциал, способный породить шедевры, расходуется на повседневную суету. Если о ваших отношениях с госпожой Фукадой станет известно в свете, к вам непременно придут с расспросами журналисты. И не отстанут, пока не выудят хоть что-нибудь – не важно, было это на самом деле или нет. Уж такая это порода...

Тэнго молча разглядывал Усикаву в упор. Тот, продолжая щуриться, теребил мочку уха. Уши его были маленькими, а мочки – ненормально огромными. Ей-богу, находить все новые и новые диспропорции в строении этого нелепого тела можно до бесконечности.

– Разумеется, сам я никому ничего не скажу, – торопливо заверил Усикава. И выразительным жестом застегнул свои губы на невидимую застёжку-молнию. – Это я вам обещаю. Не смотрите, что выгляжу я невзрачно, мое слово – могила. Не зря надо мной подшучивают, будто в прошлой жизни я был моллюском в ракушке. Захлопну створки – не разомкнуть никому. И уж эта информация, господин Кавана, навеки останется в недрах моей души. Хотя бы из личного уважения, которое я к вам испытываю.

Сказав так, Усикава наконец поднялся с кресла и несколько раз похлопал себя ладонями по костюму, пытаясь разгладить многочисленные мелкие складки. Но из-за нелепых хлопков эти складки лишь становились еще заметнее, словно заявляя на весь белый свет о поистине кармической измятости этого человека.

– Если передумаете насчет гранта – звоните в любой момент по номеру на визитке. Время у нас еще есть. Ну а не соберетесь в этом году, за ним наступит год следующий... – И Усикава изобразил пальцами, как Земля совершает оборот вокруг Солнца. – Мы, повторяю, никуда не торопимся. Чрезвычайно рад, что удалось с вами встретиться и передать вам наше Послание.

В очередной раз ослабившись и чуть ли не с гордостью продемонстрировав катастрофически корявые зубы, Усикава развернулся и вышел из приемной.

Все несколько минут до начала следующей лекции Тэнго вспоминал и прокручивал в голове то, что услышал от Усикавы. Чертов уродец знает о причастности Тэнго к продюсированию «Воздушного кокона». Это ясно даже по его нагловатой манере держаться, не говоря уже о лобовых намеках. Чего стоит одна его фраза: Если растрачивать время и талант, просто зарабатывая на кусок хлеба, ничего стоящего не добьешься до самой смерти.

И еще одна:

Чрезвычайно рад, что удалось с вами встретиться и передать вам наше Послание.

Мы всё знаем – вот что гласит их чертово Послание.

И ради того, чтобы сообщить это, они подослали к нему Усикаву и выделили «грант» на три миллиона? Как-то слишком нелепо. Пожелай они запугать Тэнго, могли бы рубануть без экивоков – дескать, нам о тебе известно то-то и то-то. Или с помощью этого «гранта» его хотели подкупить? Но что так, что эдак, слишком уж заковыристый наворочен сценарий. Да и о ком, в конце концов, идет речь? Кто такие они? Может, «Фонд поддержки искусства и науки» как-то связан с «Авангардом»? И вообще, существует ли такая организация на самом деле?

Держа в пальцах визитку Усикавы, Тэнго заглянул в кабинет секретарши.

– У меня к вам просьба, – сказал он.

– Что именно? – Секретарша, не вставая из-за стола, подняла на него взгляд.

– Не могли бы вы позвонить по этому номеру и спросить: это «Фонд поддержки искусства и науки»? Если да – узнать, на месте ли господин Усикава. Нет – уточнить, когда вернется. Станут интересоваться, кто звонит, отвечайте что в голову придет. Поверьте, я бы сам позвонил, но боюсь, будет неправильно, если там узнают мой голос.

Секретарша сняла трубку и пробежала пальцами по кнопкам телефона. Когда в трубке ответили, перекинулась короткими дежурными фразами. Компактный обмен сигналами в мире профессионалов.

– «Фонд поддержки искусства и науки новой Японии» действительно существует, – сообщила она, повесив трубку. – Звонок приняла девушка, штатный оператор. Лет двадцати с небольшим. Отвечает строго по уставу. Сотрудник Усикава у них действительно служит. Сегодня планировал вернуться в офис в половине четвертого. О том, кто звонит, меня не спросили. Хотя я в таких случаях спрашиваю всегда. Ну, вы понимаете.

– Разумеется, – кивнул Тэнго. – Огромное вам спасибо.

– Не за что, – кивнула секретарша, возвращая ему визитку Усикавы. – Кстати, Усикава – это мужчина, что к вам приходил?

– Он самый.

– Я, конечно, общалась с ним всего полминуты, но он мне очень не понравился.

Тэнго спрятал визитку в кошелек.

– Уверен, прообщайся вы с ним целый час, ваше впечатление бы не изменилось, – сказал он.

– Вообще-то я стараюсь не составлять о человеке мнения с первого взгляда. Потому что раньше не раз ошибалась, а потом жалела. Но сегодня сразу поняла: этому человеку доверять нельзя. И думаю так до сих пор.

– Так считаете далеко не вы одна, – отозвался Тэнго.

– Далеко не я одна? – повторила секретарша, словно проверяя на слух, верно ли он выстроил фразу.

– Какой стильный у вас жакет, – сказал Тэнго.

Не комплимента ради, совершенно искренне. После мятого и дешевого костюмчика Усикавы ее льняной жакетик казался божественным одеянием из священных шелков, вдруг опавших с неба в тихий безветренный день.

– Благодарю, – сдержанно улыбнулась она.

– И все-таки как бы грамотно в трубке ни отвечали, вовсе не факт, что на том конце действительно «Фонд поддержки искусства и науки», верно?

– Да, конечно. Возможно, эта девица – просто подсадная утка. Теоретически достаточно протянуть телефонную линию и зарегистрировать номер, чтобы симитировать хоть Организацию Объединенных Наций. Как в том фильме – «Афера», помните? Да только зачем это нужно? Не обижайтесь, но вы совсем не похожи на человека, из которого таким способом можно вытрясти бешеные деньги.

– Ну, из меня как раз ничего не вытрясали, – вздохнул Тэнго. – Кроме разве души...

– Смотри-ка, – покачала головой секретарша. – Просто Мефистофель какой-то!

– По крайней мере, стоит проверить, что находится по их адресу на самом деле.

– Расскажите, когда узнаете, – кивнула секретарша и прищурилась на свой маникюр.

Организация тем не менее существовала на самом деле. Разделавшись с лекциями, Тэнго сел в электричку, доехал до станции Ёцуя и оттуда прошел пешком до Кодзимати. По адресу, указанному на визитке, обнаружилось четырехэтажное здание. У входа висели в ряд позолоченные таблички, среди которых, в частности, значилось: «Фонд поддержки искусства и науки новой Японии». Офис фонда располагался на третьем этаже. Вместе с «Нотным

издательством Огимото» и «Бухучетом Коода». Судя по размерам здания, места в том офисе немного. Хотя, конечно, при взгляде снаружи толком не разберешь. Тэнго решил было подняться в лифте на третий этаж и проверить, но передумал. Нечаянно столкнувшись в дверях с Усикавой хотелось меньше всего на свете.

Он снова сел в электричку, с одной пересадкой вернулся домой и позвонил в контору Комацу. Как ни удивительно, тот оказался на месте и сразу взял трубку.

– Сейчас неудобно, – выпалил Комацу скороговоркой. Его голос казался напряженнее обычного. – Прости, но отсюда ни о чем болтать не могу.

– Очень важный разговор, господин Комацу, – сказал Тэнго. – Сегодня ко мне в колледж появился какой-то странный тип. Кажется, он знает о моей причастности к «Воздушному кокону».

Комацу несколько секунд молчал.

– Позвоню через двадцать минут, – вымолвил он наконец. – Будешь дома?

– Да, – ответил Тэнго, и связь оборвалась.

Не выпуская трубку из левой руки, Тэнго подточил на бруске один за другим два ножа, вскипятил чайник и заварил себе черного чаю. Ровно через двадцать минут раздался звонок. Подозрительная точность, отметил Тэнго. Совершенно не в духе Комацу.

На этот раз голос в трубке звучал гораздо спокойнее. Словно Комацу перебрался в какое-то укромное место, откуда мог общаться по-человечески. Как можно короче, в нескольких фразах Тэнго рассказал ему про визит Усикавы.

– «Фонд поддержки искусства и науки новой Японии»? – повторил Комацу. – Никогда не слышал. Да и вся эта история с тремя миллионами – чистый бред. Конечно, в том, что у твоего таланта есть будущее, я и сам не сомневаюсь. Но предлагать такие деньги тому, кто еще ни строчки не опубликовал, – чушь собачья. Так не бывает. Здесь какой-то подвох.

– Вот и я сразу так подумал.

– Подожди немного. Попробую раскопать об этом фонде, что смогу. Если что найду – позвоню тебе сам. Так, значит, этот Усикава знает о твоих отношениях с Фукаэри?

– Похоже на то.

– Черт бы его побрал...

– Что-то зашевелилось, господин Комацу, – сказал Тэнго.

– Ты о чем?

– Ну, просто мне так кажется. Будто мы с вами выворотили из земли здоровенный булыжник. И какая-то гадость, спавшая под ним, проснулась и вот-вот полезет наружу.

Комацу перевел дух.

– Меня в конторе тоже каждый день на части разрывают, – сказал он. – Таблоиды с еженедельниками проходу не дают. Как и телевидение. А сегодня утром полиция заявила. Для сбора информации. Оказывается, им известно о связи Фукаэри с «Авангардом». И о том, что ее родители пропали без вести. Боюсь, не сегодня-завтра журналюги растрезвонят об этом на каждом углу.

– А где сейчас Эбисуно-сэнсэй?

– Уже несколько дней связь с сэнсэем оборвана. Его номер не отвечает, от него самого ни слуху ни духу. Возможно, он сейчас тоже в глухой обороне. А может, под шумок разворачивает какой-то очередной гамбит?

– Кстати, хотел вас спросить. Вы кому-нибудь рассказывали, что я пишу роман?

– Да нет, никому... Зачем мне об этом кому-то рассказывать?

– Ну и хорошо. Я на всякий случай спросил.

Комацу выдержал новую паузу и произнес:

– Извини, дружище, что я сам об этом говорю, но... Что-то мне кажется, нас с тобой засасывает не совсем туда, куда нужно.

– Куда бы нас ни засасывало, – ответил Тэнго, – ясно одно: обратно уже не повернуть.

– Ну а если обратно не повернуть, остается только двигаться дальше. Или, как ты говоришь, стоять и смотреть, что за гадость полезет из-под вывороченного камня...

– Так, значит, пристегнуть ремни безопасности? – не удержался Тэнго.

– Именно, – подтвердил Комацу и повесил трубку.

Ну и денек... Усевшись за стол на кухне, Тэнго отхлебнул остывшего чая и подумал о Фукаэри. Чем же она с утра до вечера занимается там, в своем укрытии? Но конечно, на этот вопрос ему не ответил бы никто на свете. Кроме, понятно, ее самой.

В записи на кассете Фукаэри предупреждала, что LittlePeople будут использовать свои силы и знания, чтобы навредить ему, Тэнго. И что их следует опасаться в темном лесу...

Тэнго вздрогнул и невольно огляделся по сторонам. Да уж. Что-что, а темный лес – идеальное место для этих тварей.

Глава 3

АОМАМЭ

Как нам рождаться, не выбираем, но как умереть, зависит от нас

Июльским вечером тучи наконец-то исчезли, и обе луны засияли в небе как новенькие. Этот идеальный ночной пейзаж Аомамэ разглядывала со своего крошечного балкона. Больше всего ей сейчас хотелось позвонить кому-нибудь и поинтересоваться: «Ну как? Из окна не выглядывали? А вы посмотрите – сколько там в небе лун? У меня видно две, а у вас?»

Но с такими вопросами позвонить было некому. Ну разве что Аюми. Но отношения с Аюми, и без того слишком личные, еще дальше углублять не хотелось. Все-таки девочка служит в полиции. Аомамэ, скорее всего, в ближайшее время прикончит еще одного подонка, сменит лицо, имя, адрес – и сгинет из этой реальности навсегда. Встречаться с Аюми будет нельзя. Даже по телефону не поговорить... Как это все-таки тяжело – навсегда расставаться с теми, кто стал тебе по-настоящему близок.

Аомамэ вернулась в комнату, закрыла дверь на балкон, включила кондиционер. И, задернув шторы, отгородилась от лунного пейзажа. При виде двух лун в одном небе становилось не по себе. Так и чудилось, будто они каким-то образом нарушают баланс земной гравитации, вызывая непонятные изменения в организме Аомамэ. До месячных оставалось несколько суток, но тело уже казалось ей вялым, кожа сухой, а пульс нестабильным. Хватит, решила она. Больше о лунах не думаю. Даже если допустить, что это зачем-то необходимо.

Чтобы разогнать проклятую вялость, Аомамэ села на ковер и сделала серию растяжек. Тщательно размяла одну за другой все мышцы – даже те, которые обычно почти не задействовала. Она выкладывалась полностью, доводила себя до беззвучного крика и заливала по?том ковер. Этот курс растяжек Аомамэ разработала сама – только для самой себя – и чуть ли не каждый день добавляла в него очень полезные, хотя и весьма экстремальные упражнения. Никому в фитнес-клубе предлагать их нельзя: обычный человек таких самоистязаний просто не выдержит. Даже коллеги-инструкторы в клубе и те, за редким исключением, от подобных экспериментов над собственным телом орали как резаные.

Все это время в колонках звучала «Симфониетта» Яначека. В исполнении Кливлендского оркестра под управлением Джорджа Селла. Целиком «Симфониетта» длится минут двадцать пять. В самый раз: не слишком мало, но и не слишком долго. Достаточно, чтобы помучить каждую мышцу. Когда пластинка остановилась, а тонарм вернулся на рожек, сознание и тело Аомамэ

напоминали тряпку, хорошенько отжатую после того, как в доме наведены идеальные порядок и чистота.

Аомамэ помнила «Симфониетту» наизусть, до последней ноты. Балансируя на самом краю болевого порога, именно под эту музыку она тем не менее обретала удивительное спокойствие. Именно под эти звуки ей удавалось выстраивать оптимальное равновесие между своими внутренними палачом и жертвой, садисткой и страдальцей. Что, собственно, и являлось главной целью упражнений Аомамэ: лишь когда все балансы отлажены, она уверена и спокойна. И «Симфониетта» Яначека подходила для подобной самонастройки лучше всего.

Около десяти зазвонил телефон. Она взяла трубку и услышала голос Тамару.

– Какие планы на завтра? – спросил он.

– Работаю до полседьмого.

– После работы сможешь заехать?

– Смогу.

– Хорошо, – сказал Тамару. И его ручка застучала по странице блокнота.

– Кстати, – сказала Аомамэ. – Новую собаку еще не завели?

– Собаку? Ах да... Завели. Немецкую овчарку, кобеля. Всех его повадок я пока не изучил, но пес дрессированный, основные команды выполняет, хозяина слушает. Десять дней уже с нами, вроде освоился. Да и женщинам в приюте куда спокойнее.

– Ну слава богу.

– Ест обычный корм для собак. Возни меньше.

– Да уж... Обычные овчарки шпината не требуют.

– Точно. Та псина вообще была ненормальная. На ее шпинат куча денег уходила, особенно зимой. – В голосе Тамару слышалась ностальгия. – Кстати, лунный свет сегодня красивый.

Аомамэ нахмурилась:

– С чего это вы опять о лунном свете?

– Даже я иногда могу поговорить о лунном свете. Разве нет?

– Конечно, – ответила Аомамэ. «Только такие, как ты, не болтают по телефону о природе и погоде без особой на то причины», – добавила она про себя.

Тамару выдержал небольшую паузу, затем продолжил:

– На самом деле о лунном свете ты в прошлый раз заговорила сама. Не помнишь? С тех пор у меня и застряло в голове. Посмотрел на небо, туч нет, лунный свет красивый – вот и решил тебе отчитаться...

Аомамэ захотела спросить: так сколько же он увидел в небе лун? Но передумала. Слишком опасно. В прошлый раз Тамару и так поведал ей больше, чем ожидалось. О том, что рос без родителей, о смене гражданства. Никогда еще до сих пор этот человек так много о себе не рассказывал. Хотя он вообще не из болтливых. Значит, Аомамэ и правда ему симпатична? Иначе зачем бы он так раскрывался? И все-таки это профессионал, который всегда достигает цели кратчайшим путем. Поэтому ни о чем лишнем с ним лучше не трепаться.

– В общем, завтра после работы заеду, – сказала она.

– Хорошо, – ответил Тамару. – Наверно, голодная будешь? Повар завтра отдыхает, кроме сэндвичей, ничего приготовить не смогу.

– Спасибо.

– Понадобятся твои водительские права, загранпаспорт и медицинская страховка, захвати с собой на работу. И закажи дубликат ключа от квартиры. Успеешь?

– Думаю, да.

– И еще. О твоей просьбе поговорим отдельно, с глазу на глаз. Закончишь беседу с мадам – выкрой полчаса.

– О какой просьбе?

Тамару выдержал паузу – тяжелую, точно мешок с песком.

– О том, что ты просила достать. Забыла уже?

– Нет-нет! – спохватилась Аомамэ. Отключиться от мыслей о лунах оказалось непросто. – Помню, конечно...

– Завтра в семь. – Тамару повесил трубку.

Прошли сутки, а количество лун в небе осталось прежним. Закончив работу, Аомамэ наскоро приняла душ и, когда выходила из клуба, на еще светлом небосклоне ближе к востоку различила две бледные, но отчетливые луны. На середине пешеходного мостика через улицу Гайэн-Ниси она облокотилась о перила и с минуту простояла, задрав голову. Спешившие мимо прохожие удивленно оглядывались на нее. Никого не интересовало количество лун в небесах. Куда важней для них было, например, поскорее спуститься к метро. От долгого разглядывания лун Аомамэ охватил тот же странный приступ вялости, что и вчера. Пора бросать на них пялиться, сказала она себе. Сам вид этих чертовых лун плохо влияет на организм. Вот только гляди не гляди – их взгляд на себе ощущаешь всей кожей. Уж они-то наблюдают за тобой неотрывно. И о том, что ты собираешься сделать, знают лучше кого бы то ни было.

Они с хозяйкой пили крепкий горячий кофе из антикварных фарфоровых чашек. Старушка добавила себе немного сливок, но пила, так и не размешав. Аомамэ,

как всегда, предпочла просто черный без сахара. Тамару приготовил им сэндвичи, нарезав помельче, чтобы можно было есть, не откусывая. Аомамэ съела несколько штук. Сэндвичи были простенькие, черный хлеб с огурцами и сыром, но весьма тонкого вкуса. Стоило признать, к легким закускам у Тамару настоящий талант. Он умел обращаться с ножом, а также знал, в каком порядке что делать. Уже от этих навыков любая стряпня выходит на порядок вкуснее.

– С вещами разобралась? – спросила хозяйка.

– Одежду и книги сдала в благотворительный фонд, – ответила Аомамэ. – Все, что нужно, уместила в дорожную сумку. В квартире оставила только самое необходимое: электроприборы, посуду, кровать и постельное белье.

– С тем, что осталось, мы потом разберемся. О расторжении контракта с хозяином не беспокойся. В нужный час забирай сумку, уезжай оттуда и больше о квартире не думай.

– Может, на работе для начальства что-нибудь сочинить? Если я вдруг исчезну, ничего не сказав, бог знает, что там подумают...

Хозяйка беззвучно поставила чашку на стол.

– Об этом тебе тоже волноваться не следует.

Аомамэ молча кивнула, съела еще сэндвич, запила его кофе.

– Кстати, что у тебя с банковскими счетами? – спросила хозяйка.

– На депозите – шестьдесят тысяч. Есть еще накопительный, там где-то под два миллиона[7 - На время действия романа – суммы порядка 600 и 20 000 долларов США соответственно.].

Хозяйка прокрутила эти суммы в голове.

– С депозита за несколько раз можешь снять тысяч до сорока, это не так важно. А вот накопительные счета не трогай, это может их насторожить. Возможно, они уже проверяют твою частную жизнь, не знаю. Поэтому стоит быть осторожнее.

Во всем остальном я тебя прикрою. Еще чем-нибудь владеешь?

– Пакеты, что я получила от вас, в абонентской ячейке банка.

– Наличность из ячейки заberi, но в квартире не оставляй. Спрячь понадежней – сама придумай, где лучше.

– Хорошо.

– Больше от тебя пока ничего не требуется. Продолжай жить, как жила до сих пор. В том же ритме, не привлекая внимания. И по возможности, не обсуждай серьезных вопросов по телефону.

Сказав все это, хозяйка словно растратила последние остатки энергии, вжалась глубже в кресло и затихла.

– День уже назначен? – спросила Аомамэ.

– К сожалению, нет. Ждем информации от нашего источника. Ситуация просчитана, сценарий продуман. Но точный график передвижения нашего объекта всегда утверждается в самый последний момент. Возможно, ты понадобишься через неделю. А может, и через месяц. Место действия тоже пока не определено. Понимаю, каких это стоит нервов, но придется ждать сколько потребуется.

– Ждать я могу, – пожала плечами Аомамэ. – Но может, вы хоть в общих чертах посвятите меня в сценарий?

– Тебе поручается сделать Лидеру полную разминку мышц. То, чем ты и занималась все эти годы. С его телом творится что-то странное. Жизни это не угрожает, но, насколько мы выяснили, некая «проблема» доставляет ему нечеловеческие страдания. Чтобы избавиться от нее, он пробует самые разные методы лечения. Помимо обычной медпомощи постоянно заказывает то иглоукалывание, то сиацу, то еще какие-нибудь массажи. Однако ничего пока не принесло ему облегченья. Эта физиологическая «проблема» – ахиллесова пята Лидера, в которую нам и следует целиться.

Окно за спиной хозяйки зашторено, неба не различить. Но даже сквозь шторы Аомамэ ощущала кожей холодные, пристальные взгляды двух лун, заполнявших гостиную до последнего уголка своим гробовым молчанием.

– В секте у нас информатор. Через него удалось передать руководству «Авангарда», что ты непревзойденный мастер лечебного массажа. Это оказалось несложно, ведь ты действительно классный специалист. В общем, твоя кандидатура их очень заинтересовала. Сначала хотели пригласить тебя в свою штаб-квартиру в горах Яманаси. Но оказалось, ты слишком занята по работе и не можешь позволить себе уехать из Токио даже на сутки. Тогда нам было объявлено, что раз в месяц Лидер появляется в столице по делам секты. И останавливается в каком-нибудь отеле, не привлекающем внимания. Когда будет объявлено, ты придешь туда и сделаешь Лидеру полную разминку мышц. И тогда же сможешь выполнить свое обычное задание.

Аомамэ представила себе эту картину. Гостиничный номер. На коврике для йоги лежит мужчина, она делает ему растяжку. Лица мужчины не видно. Он лежит ничком, его незащищенная шея полностью в распоряжении Аомамэ. Она тянется к сумке, достает заточку...

– Значит, я смогу побыть с ним наедине? – уточнила Аомамэ.

– Да, – кивнула хозяйка. – Свою физиологическую «проблему» Лидер старается не показывать членам секты. Поэтому в комнате не должно остаться никого, кроме вас двоих.

– Им известно, кто я и где работаю?

– Эти люди свехосторожны. Уверена, твою официальную биографию они уже проверили вдоль и поперек. Но ничего подозрительного не нашли. А вчера сообщили, что будут ждать тебя в фойе. Где и когда – сообщат, когда сами поймут окончательно.

– А то, что я появляюсь в вашем доме, у них подозрения не вызывает?

– Ты появляешься у меня, поскольку я член твоего фитнес-клуба, а ты проводишь частные тренировки на дому. Никаких причин, чтобы заподозрить нас в более серьезных связях, не наблюдается.

Аомамэ кивнула.

– Когда Лидер покидает территорию секты, его неизменно сопровождают два телохранителя. Оба из верующих, у обоих какие-то пояса по каратэ. Не знаю, носят ли оружие, но на вид – головорезы каких мало, плюс каждый день тренируются. Хотя, если верить Тамару, на поверку – любители-дилетанты.

– Не то что сам Тамару?

– Да, с Тамару лучше не сравнивать. Тамару служил в диверсионно-разведывательном подразделении Сил самообороны. Годами его обучали искусству поражать цель мгновенно, любой ценой. И не расслабляться, каким бы ни был противник с виду. А дилетанты расслабляются. Особенно когда перед ними хрупкая девушка.

Хозяйка откинулась затылком на спинку кресла, глубоко вздохнула, затем снова подняла голову и посмотрела на Аомамэ в упор:

– Когда ты займешься Лидером, оба телохранителя будут ждать тебя в соседней комнате того же номера, рядом с выходом. У тебя будет ровно час. Так, по крайней мере, это планировалось. Хотя как все будет на самом деле, одному богу известно. Все может еще тысячу раз поменяться. Сам Лидер старается не раскрывать своего графика передвижения буквально до последней минуты.

– Сколько же ему лет?

– Думаю, пятьдесят с небольшим. Еще говорят, что это человек огромных размеров. Больше никаких деталей мне, к сожалению, пока не известно.

Тамару ждал у выхода. Аомамэ отдала ему дубликат ключа, водительские права, загранпаспорт и медицинскую страховку. Тамару прошел в дальний угол вестибюля, где стоял большой ксерокс, снял копии с документов и вернул оригиналы Аомамэ. А затем провел ее в свою подсобку неподалеку от выхода. То была тесная прямоугольная комнатка. Уютом здесь и не пахло. Единственное утешение глазу – распахнутое оконце в сад. Еле слышно гудел кондиционер. Тамару предложил гостье небольшой деревянный стул, а сам опустился в кресло

за рабочим столом. На стене висело в ряд четыре монитора. В каждом при необходимости можно было менять угол обзора. Четыре видеоредакторы неустанно записывали все, что видели камеры. Три экрана фиксировали происходящее за оградой усадьбы. Четвертый справа показывал вход в приют. А также конуру и новую овчарку. Собака лежала на земле и мирно дремала. Размерами она явно уступала своей предшественнице.

– Смерть овчарки на пленку не записалась, – сказал Тамару, словно упреждая вопрос Аомамэ. – Перед смертью она почему-то оказалась не на привязи. Но так не бывает, чтобы собака сама себя отвязывала. Значит, кто-то ее отвязал.

– Тот, на кого она не залаяла?

– Вот именно.

– Загадка...

Тамару кивнул, но ничего не ответил. Видно, он ломал голову над этой загадкой так долго, что уже сам себя ненавидел. Ибо ответить было по-прежнему нечего.

Он выдвинул ящик стола, достал оттуда черный пластиковый пакет. Вынул из пакета голубое линялое полотенце и, развернув его, извлек на свет черный кусок металла. А точнее – небольшой автоматический пистолет. Молча протянул оружие Аомамэ. Она так же молча взяла его и взвесила на ладони. Пистолет оказался куда меньше весом, чем выглядел. Даже не верилось, что такой легкой штуковиной можно запросто отправлять людей на тот свет.

– Только что ты допустила целых две фатальных ошибки, – объявил Тамару. – Догадайся каких.

Аомамэ прокрутила в голове свои действия, но никаких ошибок не заметила. Она просто взяла пистолет и еще ничего с ним не делала.

– Не знаю, – сказала она.

– Первое: получая оружие, ты обязана сразу проверить, есть ли в нем хоть один патрон. И если да – убедиться, что пистолет на предохранителе. Второе: всего

на долю секунды, но ты направила дуло на меня. Этого делать нельзя ни в коем случае. И последнее: если не собираешься стрелять, палец на спусковой крючок лучше вообще не класть.

– Ясно, – кивнула Аомамэ. – Теперь буду знать.

– За исключением экстренных ситуаций, – продолжал Тамару, – передавать пистолет, хранить его и носить с собой следует полностью разряженным. Более того: увидев любое огнестрельное оружие, води себя так, словно оно заряжено, без вариантов. Все время, пока не убедишься в обратном. Этот инструмент изготовлен с единственной целью – убивать людей. Сколько ни оберегайся, излишних предосторожностей не бывает. Я знаю, найдутся умники, которые над моими инструкциями посмеются. Но именно из-за таких разгильдяев обычно и происходят нелепые инциденты, в которых гибнут или калечатся ни в чем не повинные люди.

Аомамэ снова кивнула.

– Считаю это моим личным подарком. Но если не пригодится – вернешь в том же виде.

– Да, конечно, – ответила Аомамэ. Голос у нее вдруг сел. – Но, как я понимаю, он стоил денег?

– Об этом можешь не беспокоиться, – сказал Тамару. – Лучше подумай, как справиться с тем, что тебе предстоит. Вот об этом и поговорим. Ты когда-нибудь стреляла из пистолета?

Аомамэ покачала головой:

– Ни разу.

– Вообще-то револьвер в обращении проще автоматического пистолета. Особенно для новичка. Устройство примитивное, как с ним управляться – запоминаешь сразу и ошибаешься редко. Но хороший револьвер – штука довольно громоздкая, его неудобно брать куда-то с собой. Поэтому тебе лучше подойдет вот такая автоматика. Это «хеклер-унд-кох», модель «ХК-четыре».

Страна производства – Германия, вес при пустой обойме – четыреста восемьдесят граммов. Несмотря на малые габариты, заряжается укороченными девятимиллиметровыми патронами, убойная сила что надо. И отдача совсем небольшая. Прицельная дальность невелика, но для того, что задумала ты, подойдет на все сто... Фирма «Хек-лер и Кох» разработала его после войны, но, по сути, это улучшенная версия «Маузера-ХЗц», популярного еще в тридцатые годы. Первые «ХК-четыре» появились где-то в шестьдесят восьмом и производятся до сих пор, поскольку эта модель прекрасно себя зарекомендовала[8 - Производство pistols «ХК4» прекращено в 1984 г.]. Механизм не новый, но отлично ухоженный: судя по всему, прошлый хозяин знал в этом деле толк. А с оружием – как с автомобилями: слегка подержанная, пристрелянная вещь вызывает больше доверия, чем необкатанное новье.

Тамару взял у Аомамэ пистолет и начал подробно объяснять, как пользоваться. Снял с предохранителя, вернул на предохранитель. Сдвинул защелку, вынул магазин, потом вставил обратно.

– Прежде чем вытащить магазин, обязательно ставишь на предохранитель. Потом сдвигаешь защелку, вынимаешь магазин, передергиваешь затвор – и выгоняешь из патронника оставшийся патрон. Сейчас ничего не выскочило, потому что пистолет не заряжен. После этого нажимаешь на спусковой крючок, и затвор захлопывается. Но курок остается взведенным, поэтому нажимаешь на крючок еще раз. Все, теперь можно заряжать новый магазин.

Сначала он проделал все это быстро, отточенными движениями; потом уже медленнее, задерживаясь на каждой стадии, повторил для Аомамэ. Она внимательно следила за его пальцами.

– Попробуй сама.

Аомамэ осторожно вынула магазин, передернула затвор, открыла патронник, спустила курок, вставила магазин обратно.

– Все верно, – кивнул Тамару.

Снова забрал у нее пистолет, вынул магазин, аккуратно вставил в него один за другим семь патронов – и с оглушительным лязгом загнал в рукоятку. Передернул затвор, досылая патрон в патронник. И опустил рычажок

предохранителя на левом боку.

– А теперь попробуй снова, – сказал Тамару. – Сейчас пистолет заряжен, патрон в патроннике. И помни: даже если оружие на предохранителе, направлять его на людей все равно нельзя.

Взяв пистолет, Аомамэ мгновенно отметила, как он потяжелел. Вот она, тяжесть Смерти. Даже пальцы явственно ощущали, что этот высокоточный инструмент создан для качественного убийства людей. Подмышки ее вспотели.

Аомамэ снова проверила предохранитель, сдвинула защелку, вынула магазин, положила на стол. Оттянула затвор, отпустила – и последний патрон, выскочив из патронника, с глухим стуком упал на деревянный пол. Дважды нажав на спуск, она заблокировала затвор и вернула курок на место. Дрожащей рукою подняла с пола патрон. В горле пересохло, а попытка вдохнуть поглубже отозвалась болью в груди.

– Для первого раза неплохо, – сказал Тамару, возвращая патрон в магазин. – Но тебе нужна тренировка. А также привычка к оружию, чтобы руки перестали дрожать. Вынимай и вставляй магазин каждый день по несколько раз, пока не дойдешь до полного автоматизма. Научись делать все так же быстро, как я. И на свету, и в полной темноте. Конечно, для выполнения твоей задачи магазин менять не придется. Но если имеешь дело с оружием, эта процедура – основа основ, так что запомни ее досконально.

– А стрельбе учиться не нужно?

– Ты же не собираешься стрелять ни в кого, кроме самой себя. Я правильно понял?

Аомамэ кивнула.

– Тогда учиться не нужно. Ты должна знать, как оружие заряжать, как снимать с предохранителя и как спускать курок. Это все... Кстати, где именно в этом городе ты собиралась учиться стрельбе из боевого пистолета?

Аомамэ покачала головой. Об этом она действительно не подумала.

– Но даже если придется стрелять в себя, – продолжал Тамару, – важно, как ты будешь это делать. Ну-ка изобрази!

Он вставил в рукоятку заряженный магазин, щелкнул предохранителем и протянул оружие Аомамэ.

– На предохранителе, – предупредил он.

Аомамэ взяла пистолет и приставила дуло к виску. Холодная сталь обожгла кожу. Тамару вздохнул.

– Ничего плохого сказать не хочу, – проговорил он. – Но в висок лучше не целиться. Попасть таким способом сразу в мозг гораздо сложнее, чем ты думаешь. Как правило, в последнюю секунду рука очень сильно дрожит, и с учетом отдачи пуля может запросто улететь не туда, куда нужно. Бывали случаи, когда сносило полчерепа, но человек оставался жив. Я правильно понимаю, что такой итог тебя не устроит?

Аомамэ кивнула, не говоря ни слова.

– Когда генерала Тодзё по окончании войны пришли арестовывать американцы, он при попытке застрелиться целился в сердце[9 - Хидэки Тодзё (1884 – 1948) – генерал-майор, 40-й премьер-министр Японии. После поражения страны во Второй мировой войне был признан военным преступником категории «А» и приговорен международным трибуналом к казни через повешение.]. Но пуля угодила в желудок, и он остался жив. Тоже мне профессиональный вояка, даже застрелиться как следует не сумел! Янки тут же забрали его в свой госпиталь, выходили силами лучших врачей, а потом судили – и приговорили к виселице. Жуткая смерть... Как нам рождаться, мы, конечно, не выбираем. Но как умереть, зависит от нас.

Аомамэ закусила губу.

– Самый надежный способ – сунуть дуло в рот и выбить мозги выстрелом снизу. Вот так, смотри...

Тамару забрал у нее пистолет и продемонстрировал самый надежный способ на себе. Даже твердо зная, что оружие на предохранителе, Аомамэ напряглась. В горле будто что-то застряло, стало трудно дышать.

– Но даже в этом случае стопроцентной гарантии не бывает, – сказал Тамару, вынув дуло изо рта. – Я лично знал парня, который сделал все так, но не умер и до сих пор в коме. Мы с ним служили в Силах самообороны. Он вставил в рот дуло ружья, продел в спусковую скобу столовую ложку и нажал на нее пальцами ног. Но в самый последний момент ружье дернулось. Он остался жив, но превратился в овощ и вот уже лет десять не приходит в сознание. Все-таки непростая это задача – лишать себя жизни. Совсем не то что в кино. На киноэкране все кончают с собой достойно и круто. Легко и без боли. А в реальности все не так. Не сумел распрощаться с жизнью – будешь ходить под себя в постели еще десяток лет...

Аомамэ молча кивнула. Тамару вынул из пистолета магазин, собрал все патроны в пластиковый пакет и вручил Аомамэ – оружие отдельно, боеприпасы отдельно.

– Не заряжен, – отчетливо объявил он.

Еще раз кивнув, она взяла и то и другое.

– Не хочу лезть с советами, – добавил Тамару, – но при любом раскладе лучше думать о том, как выжить. Так оно и мудрей, и реалистичнее. Считай это моим тебе напутствием.

– Я поняла, – сдавленным голосом ответила Аомамэ, завернула «хеклер-унд-кох» в шейный платок, спрятала в сумку. Отправила туда же пакет с патронами. Оружие и правда было компактным: хотя сумка и потяжелела на добрых полкило, ее форма практически не изменилась.

– Дилетантам, конечно, такие игрушки лучше не доверять, – добавил Тамару. – Как показывает опыт, ничем хорошим не кончается. Но у тебя, я думаю, все получится как нужно. Есть у нас с тобой схожее свойство. В экстремальных ситуациях ты веришь правилам больше, чем себе.

– Может, все из-за нехватки себя?

Тамару ничего не ответил.

– Так вы служили в Силах самообороны? – сменила тему Аомамэ.

– Да, в самом суровом подразделении. Доводилось есть мышей, змей и саранчу. В принципе, съедобно, хотя деликатесом не назовешь.

– А когда отслужили, чем занимались?

– Много чем. В охране служил, все чаще телохранителем. А то и просто вышибалой. Работа в команде не по мне, так что нанимался в частном порядке. По ту сторону закона тоже пришлось погулять – слава богу, недолго. Чего только там не посмотрелся. Обычный человек за всю жизнь не встретит и сотой доли такого паскудства. Но все-таки удержался, на дно не засосало. Я ведь и по характеру осторожный, и криминала на дух не переношу. Так что, повторяю, мой послужной список остался чист... Ну и наконец поступил на работу сюда. – Тамару ткнул пальцем себе под ноги. – Здесь мне спокойней, чем где бы то ни было. Не хочу сказать, что стабильная жизнь – моя главная цель. Но в ближайшее время ничего менять не хотел бы. Слишком непростая это задача – найти работу по душе.

– Это верно, – согласилась Аомамэ. – Так я точно не должна вам никаких денег?

Тамару покачал головой:

– Денег не нужно. Долги и обязательства вертят этим миром куда активней, чем деньги. Не люблю быть кому-то обязанным, но стараюсь делать побольше одолжений.

– Большое спасибо, – кивнула Аомамэ.

– Если, неровен час, полиция станет выпрашивать, откуда у тебя пистолет, обо мне – ни слова. То есть ко мне-то пускай приходят, я и под пытками ничего не скажу. Но заявись они сразу к мадам – я потеряю работу.

– Разумеется, никаких имен, – пообещала Аомамэ.

Тамару достал из кармана сложенную пополам страничку из блокнота и протянул Аомамэ. На бумаге было написано чье-то имя.

– И пистолет, и патроны ты купила у этого человека четвертого июля в кафе «Ренуар» возле станции Сэтагая. Заплатила пятьсот тысяч наличными[10 - Около 5 тыс. долларов США.]. Ты искала, где купить пистолет, он об этом услышал и сам с тобой связался. Если полиция его спросит, он сразу признается. И на несколько лет попадет за решетку. Больше тебе ничего говорить не нужно. Как только они установят, откуда пистолет, к тебе уже придирааться не будут. Впаяют недолгий срок за хранение оружия, да этим все и закончится.

Аомамэ посверлила глазами имя, вернула записку Тамару. Тот порвал бумажку в мелкие клочья и выкинул в урну.

– Как я уже говорил, – произнес он, – я человек осторожный. Даже если кому доверяю, что редко, полностью уверенным быть все равно не могу. И предпочитаю держать ситуацию под контролем. Больше всего я хочу, чтобы этот пистолет вернулся ко мне неиспользованным. Тогда ни у кого не возникнет проблем. Никто не умрет, не покалечится и не сядет в тюрьму.

Аомамэ кивнула.

– Хотите опровергнуть закон Чехова?

– Вроде того. Чехов, конечно, великий писатель. Только на свете бывают и другие жанры, с другими законами. Ружье, которое висит на стене, вовсе не обязано выстреливать... – сказал Тамару. И вдруг нахмурился, вспомнив о чем-то еще. – Да, чуть не забыл! Я ведь должен дать тебе пейджер.

Он полез в ящик шкафа, достал оттуда миниатюрный прибор с металлической клипсой, положил на стол. Затем снял трубку, набрал комбинацию цифр. Пейджер запищал. Выставив громкость на максимум, Тамару прервал звонок, убедился, что номер звонящего отображается на экранчике, и вручил устройство Аомамэ.

– Старайся всегда носить при себе, – сказал он. – Или хотя бы держи под рукой. Если запищит – значит, сообщение от меня. Важное сообщение. Не о природе и не о погоде. По номеру, который появится на экране, ты должна будешь

немедленно позвонить. При этом – только из телефона-автомата. И еще. Все самые нужные и ценные вещи сдай в камеру хранения на Синдзюку.

– На Синдзюку, – повторила Аомамэ.

– Надеюсь, ты понимаешь: чем легче будет эта поклажа, тем лучше.

– Да, конечно, – кивнула она.

Вернувшись домой, Аомамэ плотно задернула шторы и достала из сумки «хеклер-унд-кох» с патронами. Затем села за кухонный стол и несколько раз вынула и вставила магазин. С каждым разом это получалось быстрее. Вскоре в ее действиях появился ритм, а руки перестали дрожать. Наконец она завернула пистолет в старую майку, уложила в коробку из-под обуви и спрятала в шкаф. А пакет с патронами затолкала в карман плаща на вешалке в прихожей. В горле пересохло; она достала из холодильника бутылку гречишного чая и выпила три стакана подряд. Плечи затвердели, запах пота под мышками казался чужим. Она вдруг отчетливо осознала: когда у тебя есть оружие, ты смотришь на мир по-другому. Все, что тебя окружает, приобретает странный потусторонний оттенок, и привыкнуть к нему очень не просто.

Скинув одежду, она отправилась в душ, чтобы смыть раздражающий запах.

Не всякое ружье обязано стрелять, убеждала она себя под струями воды. Оружие – всего лишь инструмент. И мир вокруг – не роман и не пьеса, а самая обычная реальность. Со всеми ее несовершенствами, хиральностями и антиклимаксами.

Две недели прошло без особых событий. Как и всегда, Аомамэ ходила на работу в фитнес-клуб, где вела свои обычные занятия по растяжке мышц и боевым искусствам. Менять распорядок жизни было нельзя. Насколько возможно, она старалась следовать рекомендациям хозяйки «Плакучей виллы». Изю дня в день возвращалась домой, ужинала, задергивала шторы, садилась за кухонный стол – и тренировалась, заряжая и разряжая «хеклер-унд-кох». Чем дальше, тем больше этот пистолет со всем его весом, твердостью, запахом смазки, убойной

силой и невозмутимостью становился частью ее самой.

Иногда она завязывала платком глаза и упражнялась вслепую: вставить магазин, снять с предохранителя, передернуть затвор. Ее руки двигались все быстрее, а металл щелкал все отчетливей и ритмичнее. Разница между тем, что она ожидала услышать, и звуками, которые получались на самом деле, становилась все меньше, пока не исчезла совсем.

Раз в сутки Аомамэ подходила к зеркалу в ванной и вставляла в рот дуло заряженного пистолета. Стискивала зубами холодный металл и представляла, как нажимает на спусковой крючок. Слабое движение пальца – и жизни конец. Уже в следующее мгновение она исчезнет из этого мира. Глядя на свое отражение, Аомамэ повторяла в уме Основные Правила. Пальцы дрожать не должны. Кисть крепко сжата, готовясь принять отдачу. Ни малейшего страха. И главное – никаких колебаний.

Только пожелай – и можешь сделать это хоть сейчас, говорила она отражению. Все, что нужно, – сдвинуть палец и нажать на крючок. Проще простого. Я готова, а ты? Но отражение, будто раздумав, вынимало дуло изо рта, возвращало на место курок, ставило пистолет на предохранитель и откладывало на туалетную полочку между зубной щеткой и тюбиком пасты. Нет, словно говорило оно. Слишком рано. Есть еще дело, которое ты должна завершить.

Как и просил Тамару, днем Аомамэ носила пейджер на поясе. А перед сном клала его рядом с будильником у кровати. Когда бы он ни запищал, Аомамэ готова была выполнить все, что нужно. Но пейджер молчал. Так прошла еще неделя.

Пистолет в коробке из-под обуви, семь патронов в кармане плаща, хранящий молчание пейджер, заточка со смертоносным жалом, дорожная сумка с вещами первой необходимости. Новая внешность и новая жизнь в скором будущем. Плюс увесистый пакет с наличными в камере хранения на Синдзюку. В мыслях обо всем этом Аомамэ провела июль. Люди уезжали в отпуска, один за другим закрывались ресторанчики и магазины, улицы пустовали. На дорогах почти не осталось машин, город затих и не двигался. Иногда Аомамэ переставала понимать, где находится. Неужели это – настоящая реальность? – спрашивала она себя. Хотя, какую реальность считать настоящей и где ее нужно искать, она понятия не имела. А потому оставалось только признать, что вокруг –

реальность самая неподдельная. И прилагать все усилия, чтобы с нею смириться.

Умирать не страшно, в который раз убеждала себя Аомамэ. Страшно, когда выпадаешь из реальности. Или когда реальность выбрасывает тебя.

Все было в полной готовности. Как и она сама. В любую минуту после сообщения от Тамару она могла уйти из дома и больше не возвращаться. Но пейджер молчал. Лето подходило к концу, и цикады выдавали последние рулады своего безумного пения. Если каждый день тянулся так мучительно долго, почему же весь месяц пролетел, как одно мгновение?

В очередной раз вернувшись из фитнес-клуба, Аомамэ разделась, бросила пропотевшую одежду в корзину для стирки и осталась в майке да шортах. После обеда прошла короткая летняя гроза. В воздухе потемнело, капли дождя гремели по асфальту, точно булыжники, гром раскалывал небо. Но уже очень скоро все стихло, и от грозы остались только лужи на асфальте. Из-за туч показалось солнце, высушило лужи, и город погрузился в огромное облако пара. А к вечеру небо опять задернуло тучами, словно плотной вуалью: сколько б там ни было лун, ни одной не видеть.

Прежде чем готовить ужин, хотелось немного передохнуть. Аомамэ села за кухонный стол, налила в стакан холодного гречишного чая и, хрустя стручками зеленого горошка, развернула газету. Пролистывала страницу за страницей, но ничего особо интересного не находила. Газета как газета, обычный вечерний выпуск. И лишь когда открыла рубрику «Общество», в глаза ей бросилась фотография Аюми. Лицо Аомамэ перекосилось, стало трудно дышать.

«Быть не может!» – пронеслось в голове. Скорее всего, кто-то просто похож на Аюми, вот я и обозналась. С чего бы про Аюми стали писать все японские вечерние газеты? Да еще и печатать ее портрет? Но сколько Аомамэ ни вглядывалась, с фотографии смотрела все та же девчонка-полицейская, с которой она уже успела сойтись – достаточно близко, чтобы иногда на пару закатывать скромные сексуальные оргии. Аюми на фото слегка улыбалась. Хотя и как-то натянуто. Реальная Аюми улыбалась натуральней и шире – да что там, буквально до ушей. Больше всего этот портрет походил на снимок для официального документа. А в напряженной улыбке читалась плохо скрываемая тревога.

Аомамэ не хотела читать эту новость. Что произошло – было ясно уже из огромного заголовка над фотографией. Но слишком долго отворачиваться от фактов не годилось. Она вздохнула как можно глубже и вчиталась в текст.

«Аюми Накано, 26 лет. Не замужем. Жительница Токио.

Найдена мертвой в номере отеля на Сибуе. Задущена поясом от халата. Перед смертью девушку раздели и приковали наручниками к изголовью кровати. Чтоб не смогла кричать, в рот вместо кляпа затолкали ее собственное нижнее белье. Тело обнаружено персоналом отеля при осмотре номера ближе к обеду. Накануне вечером жертва заселилась туда вместе с мужчиной. На рассвете мужчина ушел. Номер оплачен заранее. Для огромного мегаполиса – случай совсем не редкий. Огромные мегаполисы полны самых разных людей, в которых бушуют самые разные страсти. Иногда эти страсти заканчиваются насилием. Газеты трубят о таких случаях сплошь и рядом. И все же в данном происшествии было кое-что из ряда вон выходящее. Жертвой оказалась служащая Полицейского департамента, а наручники, которые она предположительно использовала для сексуальных забав, – не какой-нибудь игрушкой из секс-шопа, а вверенным ей служебным инвентарем. Что, понятно, и привлекло к этой новости столько внимания».

Глава 4

ТЭНГО

Может, не стоит об этом мечтать?

Где она? Чем сейчас занимается? Неужели до сих пор живет среди «очевидцев»?

Хорошо, если нет, думал Тэнго. Конечно, верить во что-либо или нет – личное дело каждого. И не ему, Тэнго, судить, кому и как с этим жить на свете. И все же, насколько он мог заметить, пребывание среди «очевидцев» никакой радости той десятилетней девчонке не доставляло.

В студенчестве он подрабатывал на складе сакэ. Платили неплохо, но тяжести приходилось таскать будь здоров. После работы даже у такого здоровяка, как он, ломило все кости. Там же иногда шабашили два молодых парня, оба – из «очевидцев». Приятные, воспитанные ребята, ровесники Тэнго. Вкалывали как черти, никогда ни на что не жаловались. Пару раз он даже выбрался с ними выпить после работы пивка. Эти по-детски наивные парни несколько лет назад решили уйти из секты и плечом к плечу вступили во внешний мир. Но освоиться в новой реальности у них, похоже, не получалось. Тому, кто до совершеннолетия воспитывался в тесном мирке замкнутой общины, принять правила огромного мира (а тем более следовать им) очень и очень не просто. Вот и этим бедолагам постоянно не хватало душевных сил, чтобы определиться. С одной стороны, их пьянила свобода от осточертевших церковных догм, с другой – не отпускало сомнение: а может, уход из секты все-таки был ошибкой?

Тэнго не мог не жалеть их. Если вываливаешься в мир ребенком, у тебя достаточно шансов подстроить свое пока еще гибкое, неокрепшее «я» под общечеловеческую систему координат. Но если этот шанс упущен, остается только жить дальше среди «очевидцев», смиряясь с их ценностями и установками. Иначе придется пожертвовать очень многим, чтобы изменить сознание и выстроить новые правила жизни самостоятельно. Общаясь с этими парнями, Тэнго то и дело вспоминал о своей однокласснице. Хорошо, если в джунглях этого мира ей не пришлось так же сложно, как этим двоим...

Отпустив руку Тэнго, она без оглядки вышла из класса, а он еще долго стоял столбом, не в силах пошевелиться. Рукопожатие было настолько сильным, что левая ладонь помнила его несколько дней, а память о нем сохранилась у Тэнго на всю оставшуюся жизнь.

Вскоре у него случилась первая ночная поллюция. Из отвердевшего пениса выплеснулась густая белесая жидкость, совсем не похожая на мочу. В паху болело и ныло. О том, что такое сперма, он тогда и понятия не имел. И поскольку ничего подобного раньше не видел – сильно беспокоился. Что-то необратимое творилось с его организмом. Что же? К отцу за советом не сунешься, у одноклассников тоже не спросишь. А ведь он просто спал, видел сон (о чем – уже и не вспомнить), как вдруг проснулся среди ночи в мокрых трусах. С таким странным чувством, будто именно то самое рукопожатие и выдавило из него эту странную жидкость.

Никогда больше он не прикасался к однокласснице. Та, как всегда, держалась особняком, ни с кем не общалась, а перед каждым обедом внятно, чтобы все слышали, читала свою дурацкую молитву. Где бы он с девочкой ни сталкивался, она вела себя так, словно между ними ничего не произошло; выражение лица оставалось таким, будто она вообще не замечала присутствия Тэнго.

Тем не менее сам Тэнго – украдкой, чтобы никто не заметил, – начал присматриваться к этой девчонке. На внимательный взгляд она оказалась вполне симпатичной. По крайней мере, смотреть на нее было приятно. Худая как щепка, вечно в одежде с чужого плеча. Когда на физкультуре надевала трико, становилось заметно, что грудь еще плоская, как у мальчишки. Лицо ее всегда оставалось бесстрастным, рот почти не открывался, а глаза все смотрели куда-то далеко-далеко, и в них не теплилось ни искорки жизни. Что сильно озадачивало Тэнго. Ведь в тот самый день, когда она смотрела ему в лицо, эти глаза казались ему бездонными и сияли, как звезды.

После ее рукопожатия Тэнго понял, какая огромная сила таится в этой худышке. Да, она пожала ему руку очень крепко, но дело не только в этом. Через ее ладонь ему передалась необычайная сила духа. Мощная энергия, которую эта девочка тщательно скрывала от одноклассников. У доски Аомамэ всегда отвечала только по сути вопроса, ни слова больше (хотя порой и молчала как рыба). Училась в целом неплохо. И, как догадывался Тэнго, при желании могла бы учиться еще лучше. Просто не хотела привлекать внимание – и намеренно выполняла все задания спустя рукава. Следуя формуле выживания, за которую цепляются все дети в ее ситуации: не давай окружающим ни малейшего повода задеть тебя. Ужимайся в размерах. Становись прозрачным, невидимым ни для кого вокруг.

А ведь самая обычная девчонка, думал Тэнго. Поболтать бы с ней о том о сем – глядишь, и подружились бы. Хотя, конечно, для десятилетних пацана и девчонки стать друзьями очень не просто. Да что говорить – на всем белом свете, наверное, нет ничего сложнее. Шанс разговориться в воздухе витал, но никак не превращался в реальность. Аомамэ в классе ни с кем не общалась. И Тэнго, видя это, предпочитал дружить с ней в своих фантазиях.

Разумеется, о сексе Тэнго в десять лет и представления не имел. Ему просто хотелось, чтобы Аомамэ еще раз пожала ему руку. Так же сильно, как и в прошлый раз. Когда вокруг никого. И рассказала о себе что угодно. Обычные секреты из жизни обычной десятилетней девчонки. Наверняка из этого и

родилось бы что-то еще. Бог его знает, что именно.

В апреле закончился их пятый класс, и они расстались. Иногда Тэнго встречал Аомамэ у входа в школу или на остановке автобуса. Только она по-прежнему не проявляла к нему ни малейшего интереса. Если Тэнго вдруг оказывался с нею бок о бок, и бровью не поводила. Даже в его сторону не смотрела. А ее сияющий взгляд, так поразивший его когда-то, будто навеки угас. Что же случилось между ними тогда, в опустевшем классе? Может, ему это просто приснилось? Но ведь пальцы Тэнго по-прежнему помнили ее рукопожатие... Слишком много неразрешимых загадок подкидывал ему этот мир.

А в следующем учебном году Аомамэ в классе уже не появилась. То ли перешла в другую школу, то ли переехала с семьей в другой город, толком не знал никто. Во всей школе исчезновение этой странной девчонки расстроило, пожалуй, одного лишь Тэнго.

Он долго раскаивался в том, как держался с ней. Или, точнее, в том, что никак не проявил себя. В голове вертелись слова, которые он должен был ей сказать. Все, о чем он собирался поведать Аомамэ, так и осталось не востребуемым. Теперь, вспоминая ее, он понимал, что заговорить с ней не составило бы труда. Достаточно было просто найти какой-нибудь пустячный предлог и собраться с духом. Но как раз этого он не смог – и потерял свой шанс навсегда.

В шестом классе Тэнго часто вспоминал Аомамэ. Поллюции больше не пугали его, и время от времени он мастурбировал, думая о ней. Причем всегда левой рукой. Которая все еще помнила то самое рукопожатие. В его воспоминаниях Аомамэ оставалась все той же худышкой с мальчишеской грудью. Но как только он вспоминал ее на физкультуре, в спортивном трико, ему удавалось кончить.

Старшеклассником Тэнго, случалось, выманивал на свидания разных девчонок. При виде их юных, но уже распирающих платье грудей у него перехватывало дыхание. Однако перед сном он частенько мастурбировал левой рукой, вспоминая Аомамэ с грудью плоской, как у мальчишки. И всякий раз ощущал себя каким-то уродливым извращенцем.

В студенчестве, впрочем, Аомамэ вспоминалась уже не так часто. В основном потому, что Тэнго начал встречаться с девочками из плоти и крови и заниматься с ними реальным сексом. Как мужчина он окончательно созрел – и, понятное дело, образ десятилетней худышки в спортивном трико отдалился куда-то на задворки сознания.

И все же та фантастическая дрожь сердца, как тогда, в пустом классе, не посещала его больше ни с кем и никогда. Что в студенческие годы, что после вуза, что в нынешней реальности ни одна женщина не оставляла в его душе такой неизгладимой печати. Ни в ком он не находил того, что искал. Какие только женщины не перебивали у него в постели! От кого глаз не отвести, с кем тепло и даже – кто по-настоящему о нем заботился. Но все они, будто птицы с разноцветными перьями, приседали отдохнуть на ветвях его дерева, а потом вспархивали и больше не возвращались. Они не могли дать ему то, чего он хотел, – да и он не вызывал в них желанья остаться.

И теперь, накануне своего тридцатилетия, Тэнго ловил себя на том, что полустертые воспоминания о десятилетней Аомамэ все чаще возвращаются к нему. Опустевший класс, они остаются наедине, она стискивает ему руку и заглядывает в глаза. Школьный спортзал, ее щуплая фигурка в трико. Торговая улочка Итикавы, где их дороги пересекались чуть ли не каждым воскресным утром: губы Аомамэ упрямо поджаты, взгляд устремлен в никуда.

Почему же от этих воспоминаний не избавиться, как ни старайся? И почему он так и не набрался смелости познакомиться с ней поближе? Кто знает, подойди он тогда к ней, заговори о чем угодно – может, вся его дальнейшая жизнь сложилась бы иначе?

На этот раз он вспомнил об Аомамэ в супермаркете, когда покупал соленый горошек[11 - Популярная японская закуска: стручки фасоли, слегка обваренные и присыпанные солью.]. Взял с прилавка упаковку с зелеными стручками – и ее имя всплыло в памяти само собой. Прямо посреди магазина, с закуской в руке, он будто впал в некий сон наяву. Сколько это с ним продолжалось, Тэнго так и не понял. А очнулся от того, что какая-то женщина сказала ему «простите»: его огромная фигура загораживала весь прилавок с соленым горошком.

Придя в себя, Тэнго машинально извинился, сунул горошек в корзину и направился к кассе. В корзине уже лежали креветки, молоко, соевый творог, салат-латук и галеты. Пристроившись в очередь домохозяек, Тэнго ждал расчета. Стоял ранний вечер, магазин был забит покупателями, а молоденькая кассирша работала так нерасторопно, что у кассы образовался затор. Но мысли Тэнго занимало другое.

Окажись сейчас в этой очереди Аомамэ, смог бы он узнать ее с первого взгляда? Сложно сказать. Все-таки они не виделись двадцать лет. А повстречай он на улице женщину, похожую на нее, разве посмел бы окликнуть? Тоже едва ли. Наверняка бы замешкался, упустил момент – да так и разошлись бы каждый своей дорогой. А он бы потом еще долго корил себя: и почему не окликнул?

Прав Комацу, подумал Тэнго. Мне всю жизнь недостает двух качеств: воли и устремленности. На любой расклад, в котором нужно принять решение, мой мозг реагирует лишь одной мыслью: «А пошло оно все...» – и ситуация ничем конкретным не разрешается. Таков характер.

И все-таки – Аомамэ. Теперь, если бы мы с тобой встретились и узнали друг друга, уж я бы сумел рассказать тебе все, что накопилось в душе, не скрывая. В какой-нибудь случайной кафешке (конечно, если у тебя найдется время и ты вообще согласишься), лицом к лицу, угощая тебя твоим любимым коктейлем.

А рассказать нужно так много! Ведь я до сих пор не забыл, как тогда, в пустом классе, ты пожала мне руку. Как я захотел с тобой подружиться и лучше узнать тебя. Но так и не смог. По разным причинам. Но главное – я просто трусил. А потом очень долго об этом жалел. До сих пор жалею. И часто вспоминаю тебя. Хотя, конечно, в том, что мастурбировал с мыслями о тебе, признаваться не стану. Все-таки с искренностью подобные вещи ничего общего не имеют.

Не знаю – может, не стоит об этом мечтать. И лучше нам не встречаться снова. А вдруг эта встреча нас только разочарует? Что, если ты давно превратилась в конторскую служащую с вечно усталой физиономией? Или в сексуально неудовлетворенную мамашу, кричащую на своих карапузов? И внезапно обнаружится, что нам совершенно не о чем говорить?

Конечно, такое вполне вероятно. И тогда бесценная надежда, согревавшая душу Тэнго все эти годы, угаснет навеки. Но почему-то он был уверен, что ничего

подобного не случится. Слишком много воли и устремленности было в глазах той десятилетней девчонки, чтобы со временем ее внутренняя сила могла раствориться бесследно.

Скорей уж стоит задаться вопросом: а в кого превратился он сам?

От этой мысли ему стало не по себе.

Если кого и разочаровала бы эта встреча – так, наверное, саму Аомамэ. Все-таки в школе Тэнго был математическим вундеркиндом, отличником почти по всем предметам, восходящей спортивной звездой. Учителя ставили его в пример, прочили мальчику большое будущее. Тогда, наверное, он казался ей кем-то вроде сказочного героя. А кто он теперь? Приходящий учитель подготовительных курсов – даже солидной работой не назовешь. Да, за кафедрой не напрягается и своей холостяцкой жизнью вполне доволен. Но никакой выдающейся роли в обществе не играет. В свободное время пишет романы, которые еще ни разу не опубликовал. Халтурки ради сочиняет гороскопы для женских журналов. Читателям нравится, но, если серьезно, иначе как бредом собачьим не назовешь. Ни друзей, ни любимой. Чья-то жена, старше Тэнго на десять лет, раз в неделю сбегаящая к нему ради секса, – практически единственный человек, с которым у него хоть какие-то отношения. Все, чем мог бы гордиться из созданного до сих пор, – чужой роман, который он переписал и превратил в национальный бестселлер. Но как раз об этом ему нельзя рассказывать ни единой живой душе...

Очередь Тэнго подошла, и кассирша принялась разгружать корзину.

В обнимку с бумажными пакетами он вернулся домой. Переоделся в шорты, достал из холодильника пиво и, потягивая его прямо из банки, вскипятил воду в большой кастрюле. Затем вывалил в кипяток зеленый горошек.

И все-таки странно, думал он, отчего эта худосочная десятилетняя пигалица до сих пор не идет у него из головы? Подошла в пустом классе, стиснула руку и убежала, не сказав ни слова. Вот и все. А ему почудилось, будто Аомамэ унесла с собой частичку его души. Или тела? А взамен оставила в нем частичку себя. Все это не заняло и минуты, но осталось в памяти на всю жизнь...

Тэнго взял нож, настрогал имбиря, нарезал аккуратными кусочками грибы и сельдерей, пошинковал кинзы. Почистил креветки, сполоснул их под краном. Расстелил на столе бумажное полотенце и выстроил на нем креветку за креветкой – шеренгой, точно бравых солдат на плацу. Затем разогрел большую сковороду, налил в нее кунжутного масла и начал тушить имбирь на слабом огне.

Да, было бы здорово, если бы они встретились, снова подумал он. Пускай в итоге это разочарует кого-то из них – все равно. Просто ему очень хочется еще раз увидеть Аомамэ. Узнать, как сложилась ее жизнь, чем она теперь занимается, что ее радует, что печалит. Ведь как бы ни изменились оба с тех пор и как ни глупо думать, будто между ними что-то еще возможно, – все, что случилось тогда в пустом классе, осталось прежним.

Он вывалил на сковородку сельдерей и грибы. Переключил газ на максимум – и, покачивая сковороду над огнем, аккуратно помешал бамбуковой лопаткой содержимое. Чуть посолил, поперчил. Когда овощи слегка обжарились, добавил еще влажных креветок. Опять посолил-поперчил, вылил рюмку сакэ. Плеснул соевого соуса, приправил петрушкой. Все эти манипуляции Тэнго совершал не задумываясь. Словно переключился на автопилот и почти не соображал, где находится. Блюдо, которое он готовил, не требовало работы ума, – просто в нужном порядке двигались руки, а в голове продолжали вертеться мысли об Аомамэ.

Дотушив креветки с овощами до нужной кондиции, Тэнго выложил их на большую тарелку. Достал из холодильника еще одну банку пива, сел за стол и принялся за еду, от которой валил пар.

А ведь за последние месяцы я здорово изменился, думал он. Как-то даже вырос психологически, что ли. И это к тридцати-то годам? Тэнго усмехнулся и невольно покачал головой. Поздравляю, приятель. С такой скоростью развития сколько тебе еще понадобится, чтобы окончательно повзрослеть?

И все-таки очень похоже на то, что все эти метаморфозы в нем вызвал «Воздушный кокон». Перекраивая повесть Фукаэри, он страстно хотел придать форму и тем историям, что до сих пор жили только в его душе. Да, этот текст зародил в нем страсть. На какую-то долю состоявшую из его подсознательной

тяги к Аомамэ. Вот почему он стал так часто думать о ней. Воспоминания то и дело уносили его туда, в пустой полуденный класс двадцать лет назад. Точно волны, так и норовящие утянуть за собой любого, кто решил омыть ноги в морском прибое.

Он допил вторую банку пива до половины, вылил остатки в раковину. Недоеденные креветки с овощами переложил в тарелку поменьше, завернул в кулинарную пленку и спрятал в холодильник.

Перекусив, Тэнго сел за письменный стол, включил процессор и уставился в девственно-белое поле текстового редактора.

Да, переписывать прошлое смысла нет, здесь подруга права. Как бы старательно мы ни переписывали наше прошлое, вряд ли это серьезно повлияет на ситуацию, в которой нам довелось оказаться сегодня. Все-таки Время обладает достаточным сопротивлением, чтобы сводить на нет любые попытки искусственной корректуры. На одни исправления неизбежно лягут другие, и в итоге общее течение Времени вернет все на круги своя. Даже если что-то изменится в мелочах, человек по имени Тэнго останется человеком по имени Тэнго, какую реальность для него ни горди.

Пожалуй, остается только одно: встать на распутье настоящего – и, беспристрастно вглядываясь в прошлое, переписывать вектор его движения в будущем. Другого пути просто нет.

От раскаянья и сокрушенья

Разрывается грешное сердце,

Дабы слезы мои, о верный Иисусе,

Обратились в мир на челе Твоем...

Таковы слова арии из «Страстей по Матфею» – той, что спела ему Фукаэри. Уже на следующий день заинтригованный Тэнго прослушал эту пластинку заново и прочел перевод либретто. Эта ария в самом начале «Страстей» – о том, что случилось с Иисусом в Вифании. Там он посетил дом человека, болевшего проказой, и какая-то женщина вдруг подошла и вылила Иисусу на голову целый

горшок драгоценного масла для благовоний. Ученики Иисуса стали бранить ее за расточительство, дескать, это миро можно было продать за большие деньги и раздать их бедным. Однако Иисус осадил их, ответив, что женщина сотворила добро, ибо приготовила его тело к погребению.

Женщина знала, что Иисус скоро умрет. И чтобы оплакать его, пролила на него благовоние. Знал о близкой кончине и сам Иисус. А потому сказал: «Где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала»[12 - Мф. 26:13.].

Изменить свое будущее ни один из них, конечно, не мог.

Тэнго снова закрыл глаза, глубоко вздохнул и принялся мысленно выстраивать в нужном порядке слова. Меняя их местами – так, чтобы образы получались как можно объемней, добиваясь оптимального ритма.

Словно Владимир Горовиц перед клавиатурой из восьмидесяти восьми клавиш, Тэнго занес руки над слово-процессором, выдержал паузу – и, вонзив пальцы в буквы, принялся выписывать слово за словом.

О реальности, в которой на вечернем небе с востока появляются две луны. О людях, что живут под этими лунами. И о времени, которое там течет.

Где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.

Глава 5

АОМAMЭ

Мышка встречает кота-вегетарианца

Аюми больше нет. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы в это поверить. Лишь после этого Аомамэ заплакала. Закрыв лицо ладонями, беззвучно и незаметно, разве что слегка подрагивали плечи. Так, словно никому на свете не хотела показывать своих слез.

Шторы на окнах были плотно задернуты, но разве мы знаем, кто может за нами подглядывать – и откуда? Всю ночь Аомамэ проплакала над вечерней газетой за кухонным столом – то тихо и сдержанно, то в голос. Слезы, просачиваясь меж пальцев, заливали газетный лист.

Мало что в этом мире могло заставить Аомамэ разреваться. Обычно, когда слезы подступали к глазам, она злилась. На кого-нибудь – или на саму себя. И оттого плакала крайне редко. Но стоило слезам прорваться наружу, остановить их уже ничто не могло. В последний раз это случилось после самоубийства Тамаки. Сколько лет назад? Уже и не вспомнить. В любом случае, очень давно. Тогда Аомамэ проплакала несколько дней подряд. Ничего не ела, не выходила из дому. Лишь иногда пила воду, восстанавливая влагу, выходившую из нее слезами, да забывалась в коротком сне. А в остальное время ревела без удержу. Больше такого с ней не случалось. С тех пор – и до этого дня.

Аюми в этом мире больше нет. Она превратилась в холодный труп, который, скорее всего, уже в морге. Труп сначала вскроют, потом зашьют. Возможно, зачитают простенькую молитву. А потом отвезут в крематорий и там сожгут. Ее тело обратится в дым, улетит в небо, смешается с облаками. И, пролившись на землю дождем, взрастит собой какую-нибудь траву. Неприметную и безымянную. Вот только с живой Аюми больше не встретиться никогда. И это казалось Аомамэ дикой нелепостью, страшной несправедливостью и нарушением всех основ Мироздания.

С тех пор как Тамаки покинула этот мир, Аомамэ больше никогда ни к кому не привязывалась. Ни к кому, кроме Аюми. Хотя у этой привязанности, к сожалению, были свои пределы. Аюми служила в полиции, Аомамэ работала наемным убийцей. Да, она убивала только плохих парней. Но с точки зрения закона убийство есть убийство, а значит – преступление. Без вариантов. Одна арестовывалась – другая скрывалась.

Вот почему каждый раз, когда Аюми шла на сближение, Аомамэ захлопывалась изнутри, стараясь ничем на это не отвечать. Эдак, не дай бог, они станут нуждаться друг в друге каждый день. Такое начнется – костей не соберешь.

Аомамэ – человек открытый, прямой. На полуправды с намеками не способна. Любое вранье повергает человека в хаос, а хаоса ей хотелось меньше всего на свете.

Аюми догадывалась, что Аомамэ не хочет делить с нею личные тайны и сохраняет дистанцию. Все-таки чутья Аюми не занимать. Вроде бы душа нараспашку, но вся ее бесшабашность – наполовину игра, а натура у девочки мягкая и ранимая. Было ясно как день: под панцирем мачизма Аюми скрывала бездонное одиночество. Невыразимую тоску от того, что ее отвергают, не принимая всерьез. И мысль об этом пронзала Аомамэ раскаленной иглой.

А теперь Аюми убили. Наверняка подцепила какого-то незнакомца, напоила в баре, заманила в отель. И в полутемном номере затеяла игру в садо-мазо. Наручники, кляп, повязка на глаза. Что происходит – понятно. Мужчина стягивает женщине горло поясом от халата и кончает при виде того, как она задыхается. Только этот затянул слишком сильно. И не успел отпустить, когда следовало.

Аюми и сама боялась, что когда-нибудь с ней случится нечто подобное. Эта девочка регулярно хотела жесткого секса. Как физиологически, так и психически. Но постоянного любовника заводить не планировала. От одной лишь мысли о долгосрочных отношениях ей делалось душно и тревожно. Поэтому она то и дело подцепляла более-менее подходящего мужика на одну ночь, трахалась с ним и на рассвете исчезала. В этом они с Аомамэ похожи. Разница лишь в том, что Аюми заходила чересчур далеко. Она предпочитала по-настоящему брутальный секс, и при этом сама желала, чтоб ее мучили. Другое дело Аомамэ – всегда предусмотрительна, осторожна, никто не смеет делать ей больно. Если что – и сдачи даст, мало не покажется. Аюми же выполняла любые сумасбродные прихоти партнера, надеясь в итоге получить что-либо взамен. Опасная склонность. Случайные партнеры – это случайные партнеры. Все их скрытые желания и тайные предпочтения обнаруживаются, когда отступать уже поздно. Разумеется, Аюми понимала, насколько это опасно. Потому и нуждалась в напарнице, которая бы ее предостерегала и одергивала на самом краю.

Со своей стороны, Аомамэ тоже нуждалась в Аюми. У этой девочки были достоинства, какими Аомамэ похвастаться не могла. Открыта, приветлива, любопытна, категорична. Интересная собеседница. А сиськи – просто глаз не отвести. В паре с нею Аомамэ достаточно было таинственно улыбаться, чтобы

мужчинам сразу хотелось что-то в ней разгадать. И в этом смысле они с Аюми действительно были идеальными напарницами. Неотразимая секс-машина.

Но как бы ни сложились обстоятельства, думала Аомамэ, я должна была впустить ее к себе в душу. Принять со всеми комплексами и проблемами и обнять покрепче. Ведь именно в этом Аюми нуждалась сильнее всего. Чтобы кто-нибудь принял ее как есть, без всяких условий, крепко обнял – и хоть ненадолго успокоил. Но как раз этого я ей дать не смогла. Слишком сильно боялась за свою безопасность. И слишком дорожила воспоминаниями о Тамаки.

В итоге Аюми отправилась шататься по городу одна – и ее убили. Заковав в наручники, завязав глаза и заткнув рот ее же трусиками и чулками. То, чего бедняжка больше всего опасалась, обернулось реальностью. А если бы я не оттолкнула ее – возможно, в тот день она и не подумала бы гулять в одиночку? Глядишь, позвонила бы, и они порезвились бы с мужиками на пару – в безопасности, заботливо следя друг за дружкой. Но Аюми, наверное, звонить постеснялась. А сама Аомамэ никогда не звонила первой...

В четыре утра, когда сидеть дома стало невыносимо, Аомамэ нацепила сандалии на босу ногу и вышла на улицу. Из одежды на ней были только ветровка и шорты. Кто-то окликнул ее, но она даже не обернулась. Страшно хотелось пить; Аомамэ зашла в ночной супермаркет, купила большой пакет апельсинового сока и выпила тут же до дна. Вернулась домой, еще немножко поплакала. А ведь я любила Аюми, призналась она себе. Гораздо сильнее, чем думала. Что же я не позволила бедняжке трогать меня, где ей хочется?

«В отеле на Сибуре убита женщина-полицейский», – сообщали утренние газеты. Стражи порядка прилагают все усилия для розыска преступника. Соседи Аюми по общежитию в шоке. Такая жизнерадостная девушка, всеобщая любимица, ответственная, на службе подавала надежды. И отец, и брат полицейские – профессия, можно сказать, в крови. Как такое могло случиться? Все знакомые только разводили руками.

Никто ничего не знал, думала Аомамэ. Но я-то знала. О том, что душу Аюми пожирает гигантский Изъян. Нечто вроде пустыни на весь земной шар. Сколько эту пустыню ни поливай, она все равно останется пересохшей. Никакая жизнь не пускает там корни. Даже птицы не летают. Откуда взялась эта дикая,

бескрайняя пустыня, понимает только сама Аюми. А может, не ведает и она. В одном лишь можно не сомневаться: гипертрофированная сексуальность, которую грубо, с силой выдавливали из Аюми окружающие мужчины, – одна из главных тому причин. Чтобы скрыть этот фатальный изъян, бедняжке приходилось искажать и приукрашивать то, чем она являлась на самом деле. Но за всем ее жизнерадостным камуфляжем скрывалось Великое Му[13 - Му (кор., яп.) – дзэн-буддийская категория абсолютного отрицания. Часто трактуется как «забери вопрос назад». На бытовом уровне – полное отсутствие чего бы то ни было, включая ответы на заданные вопросы.] – и невыносимая жажда, которую оно порождает. Сколько Аюми ни пыталась о нем забыть, Му регулярно накрывало ее. То одиночеством в дождливый вечер, то кошмаром, будившим среди ночи. И тогда ей делалось все равно, кто обнимет ее, – лишь бы обнял хоть кто-нибудь.

Аомамэ достала коробку из-под обуви и вынула оттуда «хеклер-унд-кох». Быстро, привычными движениями вставила магазин, сдвинула собачку предохранителя, передернула затвор, дослала патрон в патронник, взвела курок – и, стиснув оружие обеими руками, прицелилась в воображаемую точку на стене. Пистолет застыл, точно в пальцах каменной статуи. Аомамэ задержала дыхание, сосредоточилась – и с шумом выпустила воздух из легких. Затем опустила пистолет, вернула на предохранитель. Блестящий металл больше не оттягивал запястья. Он просто слился с нею воедино.

Только не поддавайся эмоциям, велела она себе. Даже если ты свершишь правосудие над братом и дядей Аюми, вряд ли эти мерзавцы сообразят перед смертью, за что их наказывают. Да и что теперь с ними ни делай, Аюми уже не вернуть. Как ни печально, рано или поздно все это должно было случиться. Бедняжку затягивало в смертельный водоворот, выбраться из которого ей было уже не под силу – ни самостоятельно, ни с чьей-либо помощью. Всему есть предел. Впусти ты ее в себя, неизбежный финал наступил бы чуть позже, и все. Так что хватит распускать сопли. Нужно снова восстановить себя по кусочкам. И главное – верить правилам больше, чем себе. Как и говорил Тамару.

Пейджер зазвонил рано утром на пятый день после смерти Аюми. Слушая новости по радио, Аомамэ кипятила на кухне воду для кофе. Пейджер лежал на столе. На экранчике высветился незнакомый номер. Но в том, что сообщение от Тамару, можно было не сомневаться. Выйдя из дому, Аомамэ дошагала до ближайшей телефонной будки и набрала этот номер. После третьего гудка Тамару снял трубку.

– Готова? – спросил он вместо приветствия.

– Конечно, – сказала она.

– Тогда слушай сообщение от мадам. «Сегодня в семь вечера. Гостиница «Окура», главное здание, в центре фойе. Одежда – как на обычную работу. Прости, что срываю так внезапно, но все решилось в последний момент».

– Семь вечера, гостиница «Окура», главное здание, в центре фойе, – механически повторила Аомамэ.

– Хотел бы пожелать тебе удачи, – добавил Тамару. – Но от моих пожеланий все равно ничего не изменится.

– Это потому, что удачу вы в расчет не принимаете.

– Я плохо понимаю, что такое удача. Никогда еще такого зверя не встречал.

– Ну тогда ничего и не желайте. А лучше выполните маленькую просьбу. После меня в квартире фикус останется. Вы уж позаботьтесь о нем. Выбросить рука не поднялась.

– Хорошо, я заберу.

– Очень обяжете.

– Ну, за фикусом присматривать проще, чем за кошкой или золотыми рыбками. Еще что-нибудь?

– Больше ничего. Все, что останется, выкидывайте.

– По выполнении задания поедешь на станцию Синдзюку и оттуда позвонишь по этому номеру еще раз. Получишь дальнейшие инструкции.

– По выполнении задания звонить по этому номеру со станции Синдзюку, – повторила Аомамэ.

– Надеюсь, ты понимаешь: номер никуда не записывай. Выйдешь из дому – пейджер сломай и выбрось.

– Да, поняла.

– Операция продумана до мелочей. Ни о чем не волнуйся, мы обо всем позаботимся.

– Постараюсь не волноваться.

Тамару выдержал паузу, потом добавил:

– Если откровенно... Хочешь знать мое мнение?

– Буду рада.

– То, чем вы занимаетесь, я не считаю бессмыслицей. Это ваше дело, не мое. Но мне оно кажется, мягко говоря, безрассудством. Предприятие, которое по определению не заканчивается никогда.

– Возможно, – сказала Аомамэ. – Только здесь уже ничего не изменить.

– Очень похоже на весеннюю лавину в горах.

– Да, наверное.

– И все же нормальные люди не ходят весной туда, где могут случиться лавины.

– Нормальные люди, прежде всего, не разговаривают с вами на подобные темы.

– Это верно, – согласился Тамару. – Кстати, на случай, если угодишь под лавину, – у тебя есть семья, которую нужно оповестить?

– Семьи нет.

– То есть не было с самого начала – или есть, но как бы нет?

– Есть, но как бы нет, – эхом отозвалась Аомамэ.

– Хорошо, – сказал Тамару. – По жизни важно пробираться налегке. Когда после тебя остается один только фикус в горшке – о лучшем и мечтать нельзя.

– Когда я увидела у мадам золотых рыбок, тоже захотела себе таких. Думала, хорошо бы они у меня дома жили. Маленькие, бессловесные, желаний – раз-два и обчелся... На следующий день заглянула в магазин возле станции. Но увидела, как они плавают в своем аквариуме, и почему-то сразу расхотела. А вместо них купила себе несчастный фикус, который никто покупать не хотел.

– По-моему, очень правильный выбор.

– А рыбок, наверно, теперь уже не заведу...

– Возможно, – отозвался Тамару. – Но будет неплохо завести новый фикус.

Они помолчали.

– Семь вечера, гостиница «Окура», главное здание, – на всякий случай повторила Аомамэ.

– Просто жди в фойе, никого не ищи. К тебе подойдут.

– Ко мне подойдут.

Тамару легонько кашлянул.

– Ты, кстати, не слыхала историю о том, как мышка встретила кота-вегетарианца?

– Нет.

– Хочешь послушать?

– Очень.

– Бежала мышка по чердаку и столкнулась с огромным котом. Тот загнал ее в угол – некуда убегать. Задрожала мышка и говорит: «Господин кот, не ешьте меня! Дома ждут малые детки, кто ж их накормит, если я не вернусь? Отпустите меня, умоляю!» А кот ей на это и отвечает: «Да ты не бойся! Есть я тебя не стану. Скажу тебе по секрету: на самом деле я вегетарианец и мяса вообще не ем. Считай, тебе повезло, что ты меня встретила». Услышав это, обрадовалась мышка: «Ах, какой прекрасный сегодня день! И какая же я удачливая, что встретила кота-вегетарианца!» Но не успела мышка это сказать, как схватил ее кот, зажал покрепче в когтях и оскалил острые зубы прямо над ее горлом. Извиваясь от ужаса, мышка запищала: «Но вы же сами сказали, что вегетарианец и не едите мяса! Так это ложь?» А кот, облизнувшись, отвечает: «Чистая правда. Мяса я не ем. А потому заберу тебя с собой и обменяю на сельдерей».

Аомамэ задумалась.

– И какая же тут мораль?

– Да особенно никакой. Просто когда ты сказала об удаче, я вспомнил эту историю, вот и все. А искать в ней мораль или нет – решай сама.

– Душераздирающая история.

– Да, вот еще что. Думаю, перед заходом в номер тебя непременно обыщут. Ребятки там свехосторожные. Так что готовься.

– Буду иметь в виду.

– Ну, тогда все, – подытожил Тамару. – До встречи еще где-нибудь?

– Еще где-нибудь... – машинально повторила Аомамэ.

Связь оборвалась. Аомамэ озадаченно посмотрела на трубку, вернула ее на рычаг. Накрепко запомнила телефонный номер, стерла из памяти пейджера. «До встречи еще где-нибудь?» – не выходила из головы последняя фраза. Насколько

она понимала, очередной их встрече с Тамару в этом мире случиться не суждено.

Вернувшись домой, она пролиستала свежую утреннюю газету, но об убийстве Аюми больше не упоминалось. Видимо, никакими значительными подвижками следствие похвастаться не могло. Хотя таблоиды-еженедельники наверняка уже трубят о таком чудовищном инциденте на всю страну. Шутка ли – молоденькая полисменша устроила садо-мазо в «лав-отеле» на Сибуре, и ее задушили голой в постели... Но читать желтую прессу Аомамэ не собиралась. Равно как и включать телевизор. Еще не хватало, чтобы о смерти Аюми ей рассказывали дикторы с фальшивыми интонациями и птичьими голосами.

Конечно, Аомамэ хотела, чтобы убийцу поймали, осудили и наказали. Но куда все повернется, когда на суде всплывут детали убийства? В любом случае, Аюми уже не вернуть. Это всем ясно. И приговор суда вряд ли будет особо суровым. Ведь, что ни говори, от очередной смертной казни не выиграет никто... Аомамэ свернула газету, положила локти на стол и закрыла руками лицо. Она думала об Аюми. Но уже без слез. Кроме холодной ярости, в душе ничего не осталось.

До семи вечера оставалась еще уйма времени, и девать его было некуда. Занятий в фитнес-клубе не значилось по расписанию. Небольшой саквояж и сумка через плечо, как и велел Тамару, уже заперты в камере хранения на Синдзюку. В саквояже – пачка наличных и сменная одежда на несколько суток. Каждые три дня Аомамэ заезжала на станцию, чтобы бросить в аппарат очередную монету, и всякий раз проверяла содержимое багажа. Убирать в квартире надобности нет, а еду готовить не из чего – холодильник пуст. Кроме несчастного фикуса, в доме не осталось ничего, что дышало бы жизнью. Все вещи, сообщавшие что-либо о личности их хозяйки, уничтожены, в шкафах пустота. Уже завтра меня здесь не будет, повторяла Аомамэ. Даже духа моего не останется.

Экипировка для сегодняшнего вечера, аккуратно разложенная на кровати, дожидается своего часа. Здесь же – голубая спортивная сумка. В ней собрано все, что требуется для растяжки. Аомамэ открывает сумку, в который раз проверяет комплектацию. Костюм-трико, коврик для йоги, большое и маленькое полотенца, а также крохотный футляр с предметом, похожим на пестик для колки льда. Все на месте. Аомамэ вынимает инструмент из футляра, снимает с острия защитную пробку и трогает жало подушечкой пальца. Заточено как

следует. Но на всякий случай она еще несколько раз проводит по нему самым деликатным точильным камнем. И представляет, как мгновенно и беззвучно это жало войдет в очередную мужскую шею. В ту заветную точку. Как всегда, все будет кончено в долю секунды. Без единого стога, без мельчайшей капельки крови. Один моментальный спазм – и прощай... Аомамэ накалывает пробку на острие и бережно укладывает инструмент обратно в футляр.

Затем она достает из обувной коробки «хеклер-унд-кох», завернутый в старую рубашку. Разворачивает – и привычными движениями заряжает в магазин семь патронов. С сухим щелчком досылает один в патронник. Снимает с предохранителя, возвращает на предохранитель. Закутывает оружие в белый платок, укладывает в мешок из черной бολоньи. Маскирует сверху трусиками, лифчиком, гигиеническими тампонами – и застегивает мешок на молнию.

Что еще осталось сделать важного?

Больше ничего. Аомамэ идет на кухню, готовит кофе и пьет его с круассаном.

А ведь это мое последнее задание, думает она. Самое важное – и самое трудное. И после того, как я его выполню, мне уже никогда не придется никого убивать.

Потерять привычные имя и внешность Аомамэ не боялась. Напротив, в каком-то смысле это ее даже радовало. Ни к имени своему, ни ко внешности особой привязанности не было: потеряются – никакой ностальгии. А вот начать свою жизнь с нуля ей, пожалуй, хотелось больше всего на свете.

Жаль отказываться только от злосчастных грудей. Лет с двенадцати Аомамэ постоянно беспокоилась об их размере и форме. Все-таки будь они чуть побольше – пожалуй, она прожила бы спокойнее до сих пор. Но теперь, когда представилась возможность их заменить (не от хорошей жизни, чего уж там), она вдруг поняла, что этого совершенно не хочет. Пускай остаются как есть.

Она потрогала их под ветровкой. Все как обычно. Те же две пухлые булки, одна чуть меньше другой. Аомамэ покачала головой. Да и ладно. Вот такие – и слава богу.

Что еще, кроме этого, стоит оставить?

Конечно же, память о Тэнго. Как он пожал мою руку. Как задрожало при этом сердце. И как захотелось, чтобы он меня обнял. Даже если я и встречу в жизни кого-то другого, моего чувства к Тэнго у меня уже не отнять. Вот в чем по большому счету мы и различались с Аюми. Мое нутро не состоит из Вселенского Му. И внутри у меня – не заброшенная пустыня. Внутри я состою из любви. И всегда буду помнить того десятилетнего Тэнго. Его силу, ум, нежность. Да, в этой реальности его нет. Но то, чего нет, не может состариться. И клятва, которой никто не давал, не нарушится никогда.

В душе Аомамэ тридцатилетний Тэнго – человек нереальный. Герой придуманной истории. Все, что она о нем думает, – продукт воображения. Такой же сильный, умный и нежный, как раньше. Только теперь – с большими руками, широкой грудью и твердым членом. И всегда рядом, когда это нужно Аомамэ. Обнимет, погладит, поцелует. В их комнате постоянно темно, она не видит его целиком. Ей видны только его ласковые глаза – и мир, что в них отражается.

Возможно, поэтому ей иногда так нестерпимо хочется секса – чтобы задержать в себе, насколько возможно, ощущение именно такого Тэнго. Может, для того она и спит с незнакомцами, чтобы освободиться от этой сковывающей ее страсти. Освободиться – и уж тогда наконец зажить только с Тэнго и больше ни с кем. Мирно, счастливо, без бурь и ненужных сложностей. Пожалуй, как раз об этом она и мечтает больше всего на свете...

Так она скоротала остаток дня – в мыслях о Тэнго. Сидя на алюминиевом стульчике на балконе, глядя в небо, слушая клаксоны машин внизу да иногда поглаживая листья несчастного фикуса. Луны в небе не наблюдалось. До ее (или их?) появления оставалось еще часов пять-шесть. Где, интересно, я буду завтра в это же время? – подумала Аомамэ. Одному богу известно. Но это, право, совершенно не важно. По сравнению с тем, что где-то на этом свете существует Тэнго.

Аомамэ в последний раз полила фикус и поставила на вертушку «Симфониетту» Яначека. Остальные пластинки она повыкидывала, а эту оставила до последнего. Закрыла глаза, прислушалась. И представила, как ветер гуляет по бескрайней Богемской долине. Как было бы здорово шагать и шагать по ней с

Тэнго – докуда хватит сил. Пальцы Аомамэ, конечно, в его руке. Ветер в такт их шагам качает мягкие зеленые травы. Тэнго держит ее за руку очень крепко. Хэппи-энд, как в кино. Затемнение.

Она свернулась калачиком на кровати, минут тридцать поспала. Без сновидений. А когда проснулась, на часах было уже полпятого. Из оставшихся в холодильнике продуктов соорудила себе сэндвич с ветчиной и яйцом. Сжевала его, запивая из пакета апельсиновым соком. После дневного сна тишина показалась какой-то тяжелой. Она включила радио. Передавали Концерт Вивальди для клавесина с оркестром. Флейта-пикколо выдавала одну за другой свои воробьиные трели, и странный щебет лишь подчеркивал нереальность происходящего.

Убрав со стола, Аомамэ приняла душ и оделась в то, что приготовила месяц назад специально для этого дня. Простая одежда, не сковывающая движений. Голубые хлопчатые брюки и заурядная белая блузка с коротким рукавом. Волосы собраны в узел на затылке и скреплены гребнем. Никакой бижутерии. Вещи, в которых ходила до сих пор, не бросила, как обычно, в корзину для стирки, а отправила в мусорный мешок. Тамару потом выкинет. Тщательно остригла ногти, почистила зубы, уши. Подвела брови, нанесла на лицо крем для кожи, совсем чуть-чуть надушилась. Повертелась перед зеркалом: все в порядке. И, закинув на плечо виниловую сумку «Найки», наконец-то вышла из дома.

Перед тем как закрыть за собою дверь, Аомамэ оглянулась и подумала, что уже никогда сюда не вернется. Ей вдруг стало жаль свою квартиру. Тюремная камера, которая запирается изнутри. Ни картины на стене, ни цветочной вазы. Только на балконе – бедняга фикус, купленный вместо золотых рыбок на распродаже. Неужели Аомамэ, проводя здесь столько лет, ни разу не усомнилась в том, что это нормально? С ума сойти легче.

– Прощай, – сказала она тихонько. Не квартире. Той себе, которая здесь жила.

Глава 6

ТЭНГО

У нас очень длинные руки

После этого на какое-то время ситуация словно зависла. Никто не выходил с Тэнго на связь. Ни Комацу, ни Эби-суно-сэнсэй, ни Фукаэри не подавали о себе ни весточки. Как будто все вдруг позабыли о нем и улетели куда-нибудь на Луну, удивлялся Тэнго. Конечно, будь оно действительно так, тогда уж ничего не попишешь. Но ведь самое удивительное, что никто никуда не улетал. Просто все слишком заняты своими ежедневными заботами, чтобы выкроить свободную минутку и хотя бы учтивости ради сообщить что-нибудь о себе.

Как велел Комацу, Тэнго старался следить за новостями в газетах; однако те издания, что он просматривал, о Фукаэри ничего не упоминали. Такой уж это печатный орган – газета: крайне активно сообщает нам, что случилось однажды, и весьма неохотно отслеживает, как же все было дальше. Изю дня в день Тэнго выуживал из газет одно и то же молчаливое послание: «Сегодня ничего не произошло». О чем болтают в телевизионных ток-шоу, он понятия не имел, ибо телевизора у него не было.

А вот еженедельные таблоиды, напротив, трубили о Фукаэри вовсю. Хотя самих журналов Тэнго не читал, их обложки, рекламируемые в газетах, так и пестрели сенсационными заголовками: «Вся правда о девочке-романистке: кто стоит за кулисами ее исчезновения?», «Куда пропала 17-летняя Фукаэри, автор «Воздушного кокона»?» и даже «Сгинувшая писательница: детство, которое спрятали». И все прочее в том же духе. Кое-где даже встречался портрет Фукаэри. То самое фото, с пресс-конференции. Хотя Тэнго и было любопытно, о чем эти статьи, покупать желтую прессу не поднималась рука. Да и будь там действительно что-либо важное, можно даже не сомневаться: Комацу мигом бы позвонил. А раз звонка нет, значит, пока ничего нового. Стало быть, и о том, что текст романа-бестселлера (возможно) состряпал литературный негр, никто пока не догадывался.

Судя по заголовкам, сегодня таблоиды вещали на весь белый свет о том, что отцом Фукаэри оказался бывший лидер секты экстремистов, что девочку воспитывала коммуна, изолированная от внешнего мира в горах Яманаси, и что нынешний ее попечитель – Эбисуно-сэнсэй, известный в прошлом культурный деятель. А куда сама юная красавица в розыске, «Кокон» продолжает бить рекорды книжных продаж. Уже этого более чем достаточно, чтобы пощекотать читателей нервы.

Однако Фукаэри все не возвращается. Ее поисками вот-вот займутся всерьез, и тогда избегать неприятностей станет сложнее. Например, кто-нибудь возьмется проверить школу, в которой значилась Фукаэри, и раскопает историю с дислексией, из-за которой девочка и на занятия-то почти не ходила. А также ее успеваемость по японскому, да просто ее сочинения – если она вообще что-нибудь писала. Вытащат на свет божий как пить дать. И давай удивляться, как пигалица с дислексией могла написать такое безупречное по форме произведение. Естественно, тут же возникнут сомнения: «А не помогал ли ей кто-то еще?»

Вопрос этот прежде всего зададут Комацу. Ведь именно он – ответственный редактор «Кокона», ведающий всеми вопросами публикации. Скорее всего, Комацу выйдет сухим из воды. Состроит непроницаемую мину и отчеканит: «Рукопись пришла от автора по почте – и в таком же виде была передана отборочной комиссии. История ее создания нам неизвестна». Подобный талант обычно развивается у маститых редакторов ближе к пенсии, но Комацу и в свои не самые преклонные годы отлично умеет, не меняясь в лице, утверждать то, чего нет в помине.

А затем Комацу позвонит ему, Тэнго. И сообщит, например: «Тэнго, дружище! Тут под нашими задницами начинают поджигать фитили...» Отлично поставленным голосом – и словно бы даже радуясь свалившимся невзгодам.

Да, Тэнго не раз казалось, будто Комацу радуется неприятностям. Иногда в этом типе просыпалась некая тяга к разрушению. А может, в том и состояла его потаенная мечта – завалить проект, устроить вселенский скандал и наблюдать, как все, кто был с этим связан, улетают к чертям в небеса. А что? Очень даже в духе Комацу. Но в то же время этот человек – хладнокровнейший реалист. Мечты мечтами, но к реальной деструкции на деле переходить не стал бы.

Или Комацу рассчитывает, что выживет только он? Но как именно этот стратег планирует выкрутиться после всего, что случилось, Тэнго не представлял. В принципе, такой аферист может задействовать что угодно – от дурно пахнущего скандала до настоящей диверсии. Тот еще крепкий орешек, Эбисуно-сэнсэй зря не скажет. Но насчет тайны создания «Кокона» можно даже не сомневаться: не успеет тревожная туча замаячить на горизонте, Комацу сразу же позвонит. Он так долго использовал Тэнго для своих манипуляций, что в итоге стал рабом своего же орудия. Стоит Тэнго рассказать людям правду – и Комацу улетаet в тартарары. Тэнго для него слишком важен, чтоб игнорировать. Осталось просто

дождаться звонка. А пока телефон молчит, никакого «фитиля» под собственным задом лично он, Тэнго, не ощущает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Лилия (ю?ри) в Японии обычно символизирует любую близость. (Здесь и далее прим. переводчика.)

2

Принято Сидней Беше.

3

Тиёда – один из самых уважаемых районов центрального Токио, десятую часть площади которого занимает территория Императорского дворца.

4

Обеденный перерыв в большинстве японских фирм и учреждений – с 12.00 до 13.00.

5

Фамилия «Усикава» записывается иероглифами «у?си» (корова) и «ка?ва» (река). Соответственно, Усикаву дразнят «коровой» или «быком». Стоит отметить, что в «низком» слое японской лексики сравнения людей с домашним скотом считаются оскорбительными.

6

На время действия романа – около 25 000 долларов США.

7

На время действия романа – суммы порядка 600 и 20 000 долларов США соответственно.

8

Производство пистолетов «ХК4» прекращено в 1984 г.

Хидэки Тодзё (1884 – 1948) – генерал-майор, 40-й премьер-министр Японии. После поражения страны во Второй мировой войне был признан военным преступником категории «А» и приговорен международным трибуналом к казни через повешение.

10

Около 5 тыс. долларов США.

11

Популярная японская закуска: стручки фасоли, слегка обваренные и присыпанные солью.

12

Мф. 26:13.

13

Му (кор., яп.) – дзэн-буддийская категория абсолютного отрицания. Часто трактуется как «забери вопрос назад». На бытовом уровне – полное отсутствие чего бы то ни было, включая ответы на заданные вопросы.

Купить: <https://telnovel.com/haruki-murakami/1q84-tysyacha-nevest-sot-vosem-desyat-chetyre-kniga-2-iyul-sentyabr>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)